

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ИНСТИТУТ ПРАВА

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры полностью)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

уголовно-правовой

(направленность (профиль))

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему Бандитизм по уголовному праву России

Студент

А.А. Максудов

(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

Р.В. Закомолдин

(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой _____

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Тольятти 2018

Аннотация

Тема выпускной квалификационной работы – «Бандитизм по уголовному праву России».

Актуальность темы заключается в том, что по поводу состава бандитизма в уголовно-правовой литературе имеются различные точки зрения. При этом речь идет, главным образом, о проблеме квалификации.

Цель выпускной квалификационной работы – определение понятия, признаков и видов бандитизма, выявление вопросов, возникающих при квалификации данного состава преступления.

Задачи: 1) рассмотреть понятие и признаки банды; 2) определить объект и объективные признаки состава банды; 3) исследовать субъект и субъективные признаки состава банды; 4) выявить проблемы, возникающие в теории и практике квалификации бандитизма по совокупности с другими составами преступлений; 5) определить отличительные признаки состава бандитизма от смежных составов преступлений.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-правовой охраны общественной безопасности посредством уголовной ответственности за бандитизм.

Предмет исследования - нормы уголовного законодательства Российской Федерации, закрепляющие уголовную ответственность за бандитизм, правоприменительная практика и доктринальные источники.

Вывод: Наибольшие трудности на практике вызывают случаи отграничения от бандитизма насильственно-корыстных посягательств и, прежде всего, разбоя, совершенного организованной группой с применением оружия. Для избежания дальнейших дискуссий по данному вопросу при совершении разбоя организованной группой с применением оружия группой, которая признана бандой, квалифицировать содеянное следует как бандитизм и разбой с применением оружия. При этом следует исключить ссылку на организованную группу как квалифицирующий признак разбоя. По этому вопросу необходимо

внести соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Структура работы: введение, две главы, шесть параграфов, заключение и список используемых источников.

Общее количество источников: 97.

Общее количество страниц: 82.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Понятие и признаки бандитизма по УК РФ.....	8
1.1. Банда как ключевой признак состава бандитизма.....	8
1.2. Объективные признаки состава бандитизма.....	21
1.3. Субъективные признаки состав бандитизма.....	34
Глава 2. Вопросы квалификации бандитизма.....	46
2.1. Использование служебного положения как квалифицирующий признак состава бандитизма.....	46
2.2. Проблемы квалификации бандитизма по совокупности с другими составами преступлений.....	50
2.3. Отграничение бандитизма от смежных составов преступлений.....	58
Заключение.....	69
Список используемых источников.....	73

Введение

Современная Россия характеризуется перманентным распространением организованной насильственной преступности, где бандитизм имеет наиболее высокую степень общественной опасности. Такое положение является одним из негативных следствий кардинального изменения общественно-политического и социально-экономического строя в результате распада СССР, когда переход к рыночным отношениям и передел собственности обусловили ослабление государственности и снизили эффективность правоохранительной системы. Однако в последнее время организованная преступность не ослабевает и становится еще более опасной, поскольку в совершении насильственных действий вооруженными группами все чаще добавляются религиозные и националистические мотивы.

По официальным данным Министерства Внутренних дел РФ в последние годы наблюдается тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений. Так в 2016 году было зарегистрировано 139 случаев бандитизма (на 10,3 % меньше по сравнению с предыдущим 2015 г.), в 2017 – 86, а за январь-апрель 2018 г. – 51¹.

Актуальность темы настоящей выпускной квалификационной работы «Бандитизм: понятие, признаки, виды, вопросы квалификации» заключается, прежде всего, в том, что по поводу состава бандитизма в уголовно-правовой литературе имеются различные точки зрения. При этом речь идет, главным образом, о проблеме квалификации.

Так, следственными и судебными органами при квалификации бандитизма применяются различные подходы к определению основных признаков его состава. Отсутствует единство толкований оценочных признаков объективной стороны бандитизма, с учетом его особенностей. К примеру, на практике зачастую при квалификации бандитизма неправильно толкуется понятие «нападение», которое проявляется при совершении таких

---

¹ <https://мвд.рф>.

преступлений, как вымогательство, грабеж. Все это является причиной сложности разграничения данных составов преступлений с бандитизмом. Допускаются ошибки при отграничении бандитизма и от других составов преступлений, а также при квалификации преступлений, совершаемых членами банды по совокупности с другими составами преступлений. Не редкостью являются случаи, когда правоприменитель неправильно оценивает содеянное и вместо оконченного состава бандитизма квалифицирует действия виновного по другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Сложности правоприменительной деятельности связаны кроме всего прочего и с высокой латентностью бандитизма, который, несмотря на широкое распространение, выявляется крайне редко, что также обусловлено обозначенными выше трудностями при квалификации данного состава преступления. Более того, в современной доктрине высказываются сомнения в целесообразности существования самостоятельного состава бандитизма в Особенной части уголовного закона, и выносятся предложения о его исключении [55, с. 42-43].

Таким образом, неоднозначные позиции ученых относительно состава бандитизма, а также существующая правоприменительная практика обусловили выбор темы для настоящего исследования.

Цель выпускной квалификационной работы – определить понятие, признаки и виды бандитизма, выявить вопросы, возникающие при квалификации данного состава преступления.

Поставленная цель достигается посредством решения ряда задач:

- 1) рассмотреть понятие и признаки банды;
- 2) определить объект и объективные признаки состава банды;
- 3) исследовать субъект и субъективные признаки состава банды;
- 4) выявить проблемы, возникающие в теории и практике квалификации бандитизма по совокупности с другими составами преступлений;
- 5) определить отличительные признаки состава бандитизма от смежных составов преступлений.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-правовой охраны общественной безопасности посредством уголовной ответственности за бандитизм.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации, закрепляющие уголовную ответственность за бандитизм, правоприменительная практика и доктринальные источники.

При написании выпускной квалификационной работы автор изучал и анализировал труды следующих ученых, которые составили теоретическую базу настоящего исследования: П. Агапова, А. Андреевой, В.В. Бычкова, Р. Галиакбарова, Л.В. Глазкова, В.П. Дукарт, А.В. Карягиной, А.М. Климанова, А.В. Кудряшова, В.В. Мальцева, Т.В. Шутемой и др.

Структурно выпускная квалификационная работа представлена: введением, двумя главами, шестью параграфами, заключением и списком используемых источников.

Глава 1. Понятие и признаки бандитизма по УК РФ

1.1. Банда как ключевой признак состава бандитизма

Исследование понятия «банда» необходимо начать с его генезиса.

Доминирует точка зрения, согласно которой термин «банда» возник в Италии в XVI в., когда жители этой страны в ответ на насилие со стороны французских и испанских солдат в рамках тогдашних войн создавали вооруженные отряды для самозащиты и, будучи на нелегальном положении, совершали вооруженные вылазки против оккупантов. Члены этих отрядов имели свой опознавательный знак - «банду», поскольку это слово как раз и означало некую отметку, обозначение в виде ленты (отсюда – «контрабанда», «бандероль», «бант» и т.д.). По другой точке зрения, примерно в то же время «плохие» люди, изгоняемые из общин, собирались вместе в вооруженные отряды и совершали нападения, преследуя имущественные интересы [34, с. 137]. В целом, «банды», как вооруженные отряды локального назначения, приобрели негативный, преступный смысл.

Российский законодатель дореволюционного времени в сфере уголовного права использовал термины «бунт», «скопище», «шайка». Термина «банда» в уголовном законе тогда не было. Кроме того, законодательство того времени не содержало и понятия «шайка».

Понятие «шайка» было выработано дореволюционными учеными.

К примеру, А.С. Жиряев в качестве основного признака шайки называл цель создания, т.е. «целый ряд в отдельности еще не определенных, однородных или разнородных преступлений, кои они решаются совершать совокупными силами» [цит. по: 49, с. 100].

Н.С. Таганцев под шайкой понимал «преступное сообщество, составленное несколькими лицами для совершения целого ряда преступлений, однородных или разнородных или же намеченных только в общих чертах,

неопределенных, чем шайка отличается от отдельного соглашения на одно какое-либо преступное деяние» [цит. по: 49, с. 100].

Впервые понятие «бандитизм» появляется в Декрете СНК РСФСР 1918 г. «О суде» [8], а официальное его определение в Постановлении ВЦИК 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», согласно которому бандитизмом признавалось «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки» [7].

В целом, для советского уголовного законодательства характерно было одновременное наличие термина «шайка» и «банда». Данные понятия ничем не отличались друг от друга. Однако, с 1927 г. после внесения соответствующих изменений в УК РСФСР 1926 г. [6] термин «шайка» перестал употребляться. При этом, в судебной практике начинает использоваться понятие «организованная группа», которое отождествлялось с понятием «шайка».

Советская наука уголовного права восприняла понятие «шайка», разработанное дореволюционными учеными без существенных изменений. В частности, С.В. Познышев выделял три признака банды: «1) наличие нескольких участников; возможно, однако, что участников будет лишь двое; 2) более или менее длительная связь между ними, связь не ради одного скоротечного преступного посягательства, а связь, проявляющаяся в целом ряде совместных нападений; 3) вооружение» [49, с. 101].

С 1947 г. дискуссии по поводу понятия «шайка», его характерных признаков и отличия от понятия «банда» разгорелись с новой силой. Исходя из норм действующего тогда уголовного законодательства шайка отличалась от банды исключительно четко ограниченными целями — совершение кражи.

Законодатель выбрал правильный путь и отказался от использования понятия «шайка», оставив понятие «банда». С момента принятия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [5] термин «шайка» не использовался ни на законодательном уровне, ни в судебной практике, ни в теории уголовного права. В ст. 77 УК РСФСР 1960 г. банда определялась как «устойчивая вооруженная

группа из двух и более лиц, предварительно организовавшихся для нападений на государственные и общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц» [33, с. 192]. Доктрина выделяла ряд признаков банды: наличия двух и более лиц; наличие оружия; устойчивость группы; осуществление постоянно или временно деятельности, направленной на совершение преступлений [33, с. 192].

В ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] законодатель так же использует термин «банда», определяя ее как устойчивую вооруженную группу, созданную в целях нападения на граждан или организации. Характерными признаками ее являются:

- устойчивость (стабильный состав и организационные структуры, сплоченность ее членов, постоянство форм и методов преступной деятельности);
- наличие оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды, допускавших возможность его применения.

Более конкретное понятие банды содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (далее – Постановление № 1) [66], согласно п. 2 которого «бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения». Исходя из указанного определения, можно выделить следующие признаки банды: организованность, устойчивость, вооруженность, группа из двух или более лиц, наличие цели нападения на граждан или организации.

Большинство из указанных признаков имеют оценочный характер и неоднозначно толкуют как в доктрине, так и на практике.

Так, в настоящее время в научной литературе до сих пор не выработано единого подхода в трактовке таких признаков банды как организованность и устойчивость.

Как можно заметить, признак организованности банды приведен только в Постановлении № 1, тогда как в понятии банды в ч. 1 ст. 209 УК РФ данный признак отсутствует. В связи с чем признак организованности банды оставляет возможность неоднозначного толкования его обязательности. Поскольку банда является разновидностью организованной группы, то часть ее структурных элементов совпадает с общими положениями ч. 3. ст. 35 УК РФ. Большинство ученых останавливаются на данном вопросе более подробно и пытаются передать суть этой категории с помощью приведения ряда критериев.

Л.В. Иногамова-Хегай утверждает, что организованная группа характеризуется согласованием отдельных действий соучастников, конкретизацией совершения преступлений, объективной и субъективной организованностью в целях совершения нескольких преступлений [29, с. 72]. Последний момент вызывает некоторую дискуссионность, поскольку организованная группа может быть создана и для совершения одного преступления, что подтверждается на теоретическом уровне и в судебно-следственной практике.

Р.Р. Галиакбаров выделяет три показателя организованной группы: предварительный сговор на осуществление совместной деятельности, предполагающий техническое распределение функций и ролей в процессе осуществления преступлений; отличительные черты выполнения преступления каждым отдельным участником; особенности психического отношения соучастников к содеянному [17, с. 72-73]. Однако, возможность такой трактовки выдвинутых ученым критериев подвергается обоснованному сомнению, ибо автор дает слишком широкие и обобщенные установки, которые сами требуют дальнейшей конкретизации, а потому не могут в итоге применяться в практической деятельности.

В доктрине возникают споры относительно соотношения таких понятий, как устойчивость и сплоченность. Так, одни ученые полагают, что устойчивость и сплоченность являются синонимами. Другие утверждают, что устойчивость и сплоченность являются проявлениями разных сторон единого целого и поэтому

не могут характеризоваться друг через друга [59, с. 11-12]. При этом суды в некоторых случаях, при квалификации признака банды указывают на устойчивость организационной структуры и сплоченность как самостоятельные признаки, характеризующие банду (Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2009 г. № 11-О09-60) [79].

С.П. Вайле предлагает включить свойство сплоченности и устойчивости банды в признак организованности, определив с учетом этого понятие банды как вооруженной организованной в целях совершения нападений на граждан организации или группы [14, с. 141].

В.П. Дукарт такое смешение считает недопустимым, поскольку устойчивость и организованность банды являются самостоятельными структурными компонентами понятия, а сплоченность вообще относится к признаку преступного сообщества (преступной организации). Кроме того, введение в дефиницию свойства «организации или группы» еще более размывает рассматриваемую категорию, позволяя говорить о спорных моментах отграничения от других форм соучастия, например, все от того же преступного сообщества (преступной организации) [20, с. 23].

Также выделяются и криминологические признаки банды – стабильность, высокий уровень организации, а также относительная непрерывность в совершении преступных деяний. Анализ судебной практики показывает, что во всех случаях имеет место быть распределение ролей между соучастниками, каждый из которых выполняет определенную ему функцию.

Так, согласно приговору Самарского областного суда от 15 ноября 2016 года по уголовному делу № 2-24/2016 организатор банды ознакомил членов банды с организационной структурой банды, которая была определена им следующим образом:

- лицо П.М., являясь создателем и руководителем устойчивой, организованной, вооруженной преступной группы (банды), должен был определять оперативное направление ее преступной деятельности; осуществлять общее руководство бандой; вовлекать в ее состав новых

участников, склонных к совершению преступлений; обеспечивать получение «заказов» на совершение членами банды нападений на граждан и организации и иных преступлений по найму, то есть за денежное вознаграждение, а также информации об объектах преступного посягательства; совместно с другими участниками банды разрабатывать планы совершения всех преступных действий; распределять роли между членами банды; определять конкретное количество членов банды, участие которых необходимо при совершении нападений на граждан и в том числе в случае необходимости решать вопрос о привлечении к совершению конкретного преступления лиц, не являющихся членами банды; распределять денежные средства полученные от заказчиков, совершаемых бандой преступлений, между членами банды и лицами не являющимися членами банды, привлекаемыми для совершения отдельных преступлений. Также данное лицо, решил, что, в случае необходимости, будет лично участвовать в преступлениях, совершаемых бандой; принимать решения, связанные с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности банды, а также контролировать ее деятельность, а именно контролировать участников вооруженной преступной группы (банды) и ход совершения ими преступлений.

- лицо Ш.И., после вхождения в вооруженную преступную группу (банду) и действуя в её составе, согласно заранее распределенным руководителем данной преступной группы ролям, должен был принимать участие в разработке планов совершения нападений и иных преступлений; лично участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и организации, а также иных преступлениях по найму, то есть за денежное вознаграждение; предоставлять, находящиеся в его распоряжении транспортные средства, доставлять на них участников банды до места совершения преступления, обеспечивать безопасный отход членов банды после совершения преступления; обеспечивать остальных участников банды огнестрельным оружием и боеприпасами к нему; обеспечивать тайное хранение огнестрельного оружия в период, когда оно не использовалось для совершения преступлений; следить за тем, чтобы все

имеющее в распоряжении членов банды огнестрельное оружие находилось в исправном состоянии.

- лицо И.Р., после вхождения в устойчивую вооруженную преступную группу (банду) и действуя в ее составе, согласно заранее распределенным руководителем данной группы ролям, должен был принимать участие в разработке планов совершения нападений и иных преступлений; добыче и анализе информации о возможных местах и объектах нападений; а также лично участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и организации, а также иных преступлений по найму, то есть за денежное вознаграждение; предоставлять, находящее в его распоряжении транспортное средство, доставлять на нем участников банды до места совершения преступления, обеспечивать безопасный отход членов банды после совершения преступления.

- Тепцов Д.В., после вхождения в вооруженную преступную группу (банду) и действуя в ее составе, согласно заранее распределенным руководителем данной группы ролям, должен был принимать участие в разработке планов совершения нападений и иных преступлений; лично участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и организации, а также иных преступлениях по найму, то есть за денежное вознаграждение.

- еще одно лицо Ж.Г., дело в отношении которого прекращено в связи со смертью, после вхождения в вооруженную преступную группу (банду) и действуя в ее составе, согласно заранее распределенным руководителем данной группы ролям, должен был принимать участие в разработке планов совершения нападений и иных преступлений; лично участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и организации, а также иных преступлениях по найму, то есть за денежное вознаграждение; предоставлять, находящиеся в его распоряжении транспортные средства, доставлять на них участников банды до места совершения преступления, обеспечивать безопасный отход членов банды после совершения преступления (Приговор Самарского областного суда от 15.11.2016 г. по уголовному делу № 2-24/2016) [88].

С другой стороны, разделение по ролям во время осуществляемых бандой нападений происходит лишь в 50 % подобных ситуации, что тем не менее не умаляет организованного характера таких действий, с предшествующим ему подготовкой и уже последующей реализацией планов в зависимости от конкретной обстановки совершения преступления [20, с. 24].

Учитывая рассмотренные положения и иные авторские точки зрения, можно сделать вывод, что признак организованности банды предполагает:

- наличие ярко выраженного одного лидера или нескольких руководителей на паритетных началах;
- ролевую дифференциацию участников в организационно–техническом и правовом смысле;
- целенаправленный характер действий лиц и осуществление планирования преступлений.

Следующий признак – устойчивость, как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1, имеет следующие свойства: стабильность состава банды, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, длительность ее существования и количество совершенных преступлений, постоянство форм и методов преступной деятельности. Кроме того, на практике к указанным свойствам устойчивости добавляют такие признаки, как стереотипные способы совершения преступлений, стабильность состава банды, сплоченность (Приговор Самарского областного суда от 30.05.2016 г. по уголовному делу № 2-8/2016 (2-34/2015;)) [89].

В одном приговоре устойчивость банды была определена в наличии явного лидера в лице ее руководителя, в стабильности ее состава, тщательной подготовкой и планированием преступлений с распределением ролей между членами банды и ее групп, постоянством форм и методов преступной деятельности, ее планирования и конспирации, совершением большого количества нападений в течение длительного времени, взаимозаменяемостью между участниками банды при совершении конкретных преступлений, использованием автотранспорта и технических средств связи, сплоченностью

участников группы и наличием у них общей преступной цели нападения на граждан и желания получить денежные средства за свое участие в совершении преступлений (Приговор Самарского областного суда от 23.01.2017 г. по уголовному делу № 2-5/2017 (2-32/2016;)) [87].

В другом приговоре суд под устойчивостью организованной группы понимал наличие постоянных связей между членами. Поскольку они продолжительное время работали в одном коллективе между ними существовала тесная постоянная связь. Между ними существовали как производственные, так и личные отношения, в том числе с разделением ролей на руководителей и подчиненных, где роль начальников принадлежала братьям Спановский С.Ю. , а роль подчиненных - Андреев С.А. и Семенов Е.Н. , так как Спановский В.Ю. являлся директором ООО, Спановский С.Ю. - заместителем директора, а Андреев С.А. и Семенов Е.Н. – рабочими (Приговор Самарского областного суда от 07.12.2011 г. по уголовному делу № 2-42/2011) [95].

Получается, что превалирующее значение здесь имеет как раз длительность деятельности банды (действие на протяжении некоторого периода времени и совершение преступлений).

С другой стороны состав бандитизма – формальный, а потому преступление считается оконченным независимо от того, были ли совершены планировавшиеся преступления. Поэтому признак устойчивости приобретает несколько иное значение: нацеленность на совместное совершение преступлений в течение определенного временного промежутка. Значит, длительность существования вооруженной организованной группы не всегда является первостепенной и сама по себе не устанавливает препятствий для привлечения соответствующих лиц к уголовной ответственности.

Однако, некоторые авторы предлагают исключить признак устойчивости из уголовно-правовой характеристики организованной группы в целом, как несоответствующий ей, поскольку присутствует стремление к совершению лишь одного, требующего серьезной подготовки преступления, а иначе будет происходить смешение с иными смежными формами соучастия [28, с. 278].

Явное несогласование с законом, отрицание его требований в приведенной позиции наталкивает на невозможность принятия критериев, выдвинутых ученым, до внесения изменений в УК РФ, поскольку они не обладают серьезными правовыми основаниями.

На основании вышеуказанной проблематики, в признак устойчивости банды можно включить:

- стабильность личного состава организованной группы;
- неоднократность различных поведенческих актов субъектов во время подготовки, планирования и совершения преступлений;
- наличие у участников субъективной направленности на долговременное взаимодействие.

Следующим признаком банды является ее вооруженность, что означает «наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия» (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Р. № 1).

Так, для оснащения банды оружием, организатор банды предложил использовать следующее огнестрельное оружие и боеприпасы к нему, имевшееся у Ш.И., на что остальные участники вооруженной преступной группы (банды), согласились:

- автомат с военными патронами, который согласно заключению эксперта является огнестрельным нарезным оружием, исправен и пригоден к стрельбе;
- пистолет с пистолетными патронами, который согласно заключению эксперта, является огнестрельным оружием, исправен и пригоден к стрельбе;
- пистолет ограниченного поражения с травматическими патронами, который согласно заключению эксперта, является огнестрельным оружием ограниченного поражения, исправен и пригоден к стрельбе.

Вышеуказанное оружие и боеприпасы, согласно заранее распределенным руководителем данной группы ролям, находились на хранении у члена банды Ш.И., и в случае необходимости использования членами банды того или иного

экземпляра огнестрельного оружия при совершение нападений на граждан и организации, а также иных преступлений, по указанию организатора передавалось данным лицом либо непосредственному исполнителю преступления, либо самому руководителю. О наличии оружия в банде были осведомлены все ее члены, которые осознавали и допускали возможность его использования и применения при совершении нападений (Приговор Самарского областного суда от 30.05.2016 г. по уголовному делу № 2-8/2016 (2-34/2015;)) [89].

При этом, банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды (абз. 4 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1).

Так, как видно из материалов уголовного дела какое-либо оружие или какие-либо взрывные устройства при личном обыске осужденных Мамшова А.Г., Сорокина С.П., Бердникова А.А., Гопоненко Д.П., Лушников Д.Л. и Ганиева И.Н. в ходе их задержания, а также в ходе проведения обысков в их жилищах обнаружены не были.

Как показал свидетель Г. тайник с оружием на территории ГСК ему как члену группировки в 2008 году показали другие члены этой же группировки Л. и Ганиев И.Н. Однако согласно показаниям данного свидетеля Л. и Ганиев И.Н. предупредили Г. о том, чтобы об этом оружии никто не знал, тогда как по смыслу закона, о наличии оружия хотя бы у одного из членов банды должны быть осведомлены все другие ее члены. Достоверные данные о том, что другие осужденные по настоящему уголовному делу были осведомлены об оружии, незаконно хранившемся Лушниковым Д.Л. и Ганиевым И.Н., отсутствуют. То же самое касается боевой гранаты и двух пистолетов системы Макарова, из которых был убит В.

Каких-либо достоверных сведений о том, что оружие и взрывные устройства, обнаруженные в тайниках, использовались осужденными при совершении ими преступлений, материалы уголовного дела не содержат.

Не дано судом никакой оценки и тому обстоятельству, что согласно материалам дела оружие при похищении М. и при нападении на Л. не использовалось, а оружие, из которого были убиты В. и Б., приобреталось для совершения непосредственно этих преступлений неустановленными лицами и осужденным Сорокиным С.П. Таким образом, по данному уголовному делу суд не установил такой признак банды, как вооруженность (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.01.2016 г. № 11-АПУ15-32) [77].

При решении вопроса о признании оружием предметов, используемых членами банды при нападении, следует руководствоваться положениями Федерального закона «Об оружии» [3]. Однако, как в теории, так и на практике возникают проблемы в определении оружия, при наличии которого банда может считаться вооруженной.

Например, А. Наумов считает, что «признак вооруженности не образует наличие в преступной группе охотничьего гладкоствольного оружия, не изъятого из гражданского оборота» [39, с. 47]. При этом не совсем понятно заявление автора о том, что «из охотничьего гладкоствольного ружья можно убить человека. Но для лица, специально и обдуманно намерившегося совершить такое преступление... - это очень неудобная для подобной цели вещь» [39, с. 49].

В.В. Бычков полагает, что «огнестрельное гражданское гладкоствольное оружие, не являющееся предметом преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222 УК РФ, составит признак вооруженности бандитизма» [13, с. 13].

К огнестрельному оружию как признаку вооруженности банды нельзя относить предметы, которые, хотя и соответствуют приведенному в законе описанию, но не способны причинить существенный вред.

Не составит признак вооруженности и «газовое оружие, снаряженное нервно-паралитическими, отравляющими, а также другими веществами, не разрешенными к применению» [10, с. 16] так как рассматриваемый признак банды составит любое газовое оружие, в том числе и с нервно-паралитическим и отравляющим веществами, и со слезоточивым и раздражающими действием.

В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [63] под взрывными устройствами «понимаются промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.)».

Признаком, который в совокупности с другими признакам позволяет организованную преступную группу квалифицировать как банду, является количественный состав ее участников, т.е. не менее 2-х человек, каждый из которых является субъектом преступления в соответствии с требованиями ст.ст. 19-21 УК РФ.

Однако, то обстоятельство, что не все члены банды были знакомы друг с другом, не имеет определяющего значения для квалификации их действий как бандитизма, поскольку предусмотренный ст. 209 УК РФ состав бандитизма не предполагает в качестве обязательного признака этого преступления знакомство между собой всех членов банды (Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2009 г. № 11-О09-60) [78].

В другом случае, доводы кассационных жалоб о том, что не все участники группы были знакомы друг с другом, противоречили содержащимся в деле доказательствам. Кроме того, при наличии общего лидера, данное обстоятельство для признания преступной группы устойчивой правового значения не имеет, поскольку отдельные ее участники могли не иметь тесной связи со всеми ее членами. Однако все члены банды совершали преступления под руководством хорошо знакомого им руководителя и были связаны между собой единством преступных намерений (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.09.2012 г. № 81-О12-54) [69].

Таким образом, отсутствие четких критериев, разные подходы к понятию и признакам банды как вида организованной группы закрепляют разночтения и несогласованность в правоприменительной деятельности, что является

недопустимым. Это обстоятельство, в свою очередь, нарушает принцип равенства граждан перед законом и снижает эффективность уголовного законодательства.

Поэтому необходимо привести различные точки зрения к чему-то единому и формально определенному: это может быть либо детализация признаков в самом УК РФ, либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ по вопросам соучастия, т.к. этот орган имеет право официально и нормативно толковать закон. Иными словами, признаки организованной группы, а также ее разновидностей подлежат однообразному раскрытию, конкретизации и возможному закреплению в соответствующих актах, что будет способствовать снятию существующих в практике разногласий в применении уголовного закона.

При этом важно отметить, что такие понятия как «банда» и «бандитизм» являются не тождественными категориями. Банда является составляющей бандитизма, т.е. создание банды, а равно руководство такой группой (бандой) участие в ней или в совершаемых ею нападениях, чем и будет посвящена все последующие части настоящей выпускной квалификационной работы.

1.2. Объективные признаки состава бандитизма

Под объектом преступления в уголовном праве понимаются общественные отношения, блага и интересы, на которые направлено преступное деяние и которым причиняется вред (либо создается угроза причинения вреда). Одним из объектов уголовно-правовой охраны в ст. 2 УК РФ названа общественная безопасность.

Преступления, посягающие на общественную безопасность, объединены в гл. 24 УК РФ. К числу данных преступлений и относится бандитизм (ст. 209 УК РФ).

Понятие общественная безопасность наиболее обстоятельно изучается представителями науки административного права.

В частности ученые предлагают под общественной безопасностью понимать «правовое состояние защищенности личности и общества от факторов, создающих потенциальную и реальную опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства, выраженных, в частности, в общественно опасных действиях (бездействии) и охраняемых системой норм административного, информационного, уголовного, экологического и других отраслей права» [15, с. 35].

Другие ученые считают правильным общественную безопасность понимать широкой и узкой трактовках [30, с. 37-42].

Третьи ученые отмечая многоаспектный характер общественной безопасности, определяют ее как совокупность общественных отношений, создающую нормальные безопасные условия общественной жизни [31, с. 6-9].

Понятие общественной безопасности имеет и нормативное определение в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ [4]. Согласно п. 4 Концепции общественная безопасность – это состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Из нормативного определения вытекает объектный состав общественной безопасности - человек и гражданин.

А.В. Степанов на основе анализа научного и нормативного определений термина предлагает авторский вариант, согласно которому общественная безопасность понимается «как государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в различных областях общественной жизни (социальной и межнациональной, правоохранительной, пожарной, химической, биологической, ядерной, радиационной, гидрометеорологической, промышленной и транспортной)» [50, с. 29-37].

Таким образом, доктрина трактует общественную безопасность расширительно, как комплексное явление общественного бытия современной России, как ожидания общества в данной сфере, тогда как Концепция общественной безопасности трактует данный предмет как сферу реальных действий правоохранительных органов во взаимодействии с институтами гражданского общества и социально активными гражданами [23, с. 16].

В современной российской юридической науке ведутся дискуссии относительно понимания общественной безопасности, поскольку, с одной стороны, она является частью родового объекта преступления, а с другой стороны – видовым объектом преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ.

Бандитизм относится к числу многообъектных преступлений, в связи с чем в рамках данного состава необходимо выделять не только основной, но и обязательный дополнительный объект. Поскольку в результате бандитского нападения возможно причинение смерти или вреда здоровью, нарушение телесной и половой неприкосновенности или половой свободы, причинение имущественного ущерба и т.п., то «в качестве дополнительного объекта бандитизма могут выступать жизнь и здоровье граждан, половая неприкосновенность и половая свобода, отношения собственности, нормальное функционирование организаций и проч.» [48, с. 64].

Иными словами, общественная безопасность, как совокупность общественных отношений, устанавливаемых и охраняемых государством по поводу нормальных и безопасных условий жизнедеятельности общества в целом и отдельных его граждан – является родовым объектом бандитизма.

Непосредственным объектом бандитизма выступают конкретные общественные отношения или группы взаимосвязанных отношений этой системы – безопасные условия жизнедеятельности граждан, нормальная деятельность предприятий, учреждений и организаций, общественное спокойствие и т. д.

По мнению В.С. Комиссарова, «юридическая природа бандитизма заключается в том, что он объединяет действия, имеющие разные непосредственные объекты посягательства и направленность, в результате чего образуется качественно новое преступление. Преступления, посягающие на общественную безопасность, будь то транспортные, экологические или собственно преступления против общественной безопасности, неразрывно связаны с причинением физического, материального, организационного либо иного вреда гражданам, собственности, деятельности социальных институтов, окружающей природной среде» [цит. по: 48, с. 64].

При этом «нападение как цель бандитизма немыслимо без насилия (будь то причинения вреда здоровью различной степени тяжести, ограничение личной свободы и т.д.) или его угрозы. Если соответствующие последствия не наступают и отсутствует угроза их наступления, то такие деяния нельзя рассматривать как преступления против общественной безопасности, а в некоторых случаях и вообще как преступления» [48, с. 64]. Однако согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство бандой и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем, лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ. А.В. Сальников считает, что «данное руководящее разъяснение в известной мере противоречит принципу справедливости, поскольку предлагает одновременно инкриминировать по правилам совокупности преступлений как умышленное создание опасности для правоохраняемых благ, так и фактическое причинение ущерба этим благам» [48, с. 64].

Однако, преступления против общественной безопасности причиняют вред или ставят под угрозу причинения вреда неопределенный круг лиц, материальных объектов, деятельность социальных институтов, поэтому

отношениям общественной безопасности как объекту посягательства ущерб причиняется всегда, вне зависимости от конкретных форм его проявления. Сказанное касается как бандитизма, так и иных преступлений против общественной безопасности. А это заставляет задуматься о том, насколько вообще целесообразно рассматривать общественную безопасность в качестве отдельного объекта: ведь она является состоянием защищенности всех благ, которые уже закреплены как объекты уголовно-правовой охраны в других главах, разделах и статьях уголовного закона.

В ст. 209 УК РФ описаны четыре формы бандитизма: 1) создание банды; 2) руководство бандой; 3) участие в банде; 4) участие в совершаемых бандой нападениях.

Создание банды предполагает совершение любых действий, результатом которых стало образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации. Они могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п. (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1).

Так, Артищев С.Ю. решил создать устойчивую вооруженную группу – банду, для нападения на граждан и организации и завладения принадлежащим им имуществом. Реализуя задуманное, Артищев С.Ю. предложил своим знакомым Ильичеву А.В. и Кузнецову Д.А. вступить в состав создаваемой им вооруженной организованной преступной группы (банды) под его руководством, на что Ильичев А.В. и Кузнецов Д.А., дали добровольное согласие. После этого Ильичев А.В. и Кузнецов Д.А. были ознакомлены Артищевым С.А. с организационной структурой банды, которая была определена следующим образом:

- Артищев С.Ю., являясь создателем и руководителем устойчивой, организованной, вооруженной преступной группы (банды).

- Кузнецов Д.А. должен принимать участие в разработке планов совершения нападений, добыче и анализе информации о возможных местах и объектах нападения, распределении ролей между членами банды, а также лично

участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и коммерческие организации и завладении их имуществом.

- Ильичев А.В. должен принимать участие в разработке планов совершения нападений, распределении ролей между членами банды, а также лично участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и коммерческие организации и завладении их имуществом.

Основой объединения членов банды стало корыстное стремление каждого из них извлечь в результате совместной преступной деятельности материальные блага. Целью банды было совершение нападений на граждан и организации, и завладение принадлежащим им имуществом. В результате совместной преступной деятельности между членами банды установились устойчивые взаимоотношения, направленные на выполнение определенных преступных действий в интересах банды.

Для оснащения банды оружием, Артищев С.А. предложил использовать газовый пистолет, являющийся оружием, исправный и пригодный к стрельбе, зарегистрированный в установленном законом порядке на участника банды - Ильичева А.В., который последний должен передавать Артищеву С.Ю. непосредственно перед совершением каждого разбойного нападения, а Артищев С.Ю. должен его использовать с целью подавления воли потерпевших к сопротивлению.

Для обеспечения мобильности перемещения членов банды при совершении нападений, приезда соучастников к месту совершения преступлений, а также перевозки похищенного имущества, использовались автомобили. При этом для достижения цели конспирации внешности, члены банды использовали при нападениях шапки-маски, которые хранились в автомашине Кузнецова Д.А. и использовались участниками банды непосредственно перед совершением преступлений.

Для быстрого обмена информацией и постоянной связи между собой члены организованной преступной группы использовали сотовые телефоны, регистрируя абонентские номера, как на свое имя, так и на имена иных лиц.

Таким образом, Артищев С.Ю., создал и руководил бандой, между членами которой были налажены устойчивые преступные связи, которые проявились в постоянстве способов совершения преступлений, стабильности и устойчивости осуществления преступной деятельности, направленной на совершение заранее подготавливаемых особо тяжких преступлений (Приговор Самарского областного суда от 28.09.2012 г. по уголовному делу № 2-51/2012) [94].

Момент окончания создания банды определяется в зависимости от способа создания:

- 1) изначальное формирование банды;
- 2) преобразование существующей банды путем выделения, разделения, объединения [37, с. 16].

Под руководством бандой понимается принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности банды, так и с совершением ею конкретных нападений (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1).

М.И. Муркштис отмечает, что «руководитель банды имеет неформальные властные полномочия по отношению к членам банды, которые осознаются и принимаются всеми, его указания являются обязательными для исполнения, их игнорирование предполагает применение к нарушителям определенных санкций. Реализация таких полномочий и есть руководство бандой, в какой бы форме она ни выражалась. Данное преступление считается оконченным с момента начала выполнения лицом властных функций в банде» [37, с. 16].

Например, Г. осуществлял общее руководство бандой и руководил ее участниками непосредственно в ходе преступных действий, лично принимал решения об избрании объектов нападений и времени нападений. Распределял роли среди участников, в строгом соответствии с которыми они затем действовали при совершении преступлений. Он же распределял похищенные деньги (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.02.2013 г. № 9-О13-1) [68].

В другом деле, Артищев С.Ю., являясь руководителем устойчивой, организованной, вооруженной преступной группы (банды), должен был определять оперативное направление ее преступной деятельности, осуществлять общее руководство бандой, вовлекать в ее состав новых участников, склонных к совершению преступлений, совместно с другими участниками банды разрабатывать планы совершения всех преступных действий, распределять роли между членами банды, обеспечивать получение информации об объектах преступного посягательства, лично участвовать в совершаемых бандой нападениях на граждан и коммерческие организации и завладении их имуществом, распределять похищенные денежные средства между членами банды (Приговор Самарского областного суда от 28.09.2012 г. по уголовному делу № 2-51/2012) [94].

При этом, если организатор или руководитель банды поддерживает связи не со всеми участниками банды, то это не влияет на правильность квалификации содеянного им по ч. 1 ст. 209 УК РФ, поскольку его функции по организации и руководству бандой не предполагают непосредственного взаимодействия с иными ее членами (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2017 г. № 205-АПУ17-16) [76].

К примеру, в целях конспирации, а также желая скрыть свою причастность к созданию банды и совершаемым преступлениям, лидер банды общался только с кураторами групп и иными неустановленными лицами, которым давал указания, обсуждал планы нападений и другие вопросы преступной деятельности при личных встречах или с использованием планшетного компьютера с установленным на нем программным обеспечением для совершения звонков посредством сети Интернет (Приговор Самарского областного суда от 23.01.2017 г. по уголовному делу № 2-32/2016 2-5/2017) [87].

Кроме того, то обстоятельство, «что лицо перед преступлениями распределял роли между соучастниками и руководил их действиями в ходе совершения преступлений, не свидетельствуют о создании им банды и руководстве ею. Выводы эксперта-психолога о наличии у осужденного

индивидуально-психологических особенностей: лидерских тенденций в структуре личности, которые могли найти отражение в осуществлении организаторской и руководящей деятельности, свидетельствовали лишь о возможности осужденного быть лидером и организатором, но не доказывали совершение им действий, составляющих объективную сторону бандитизма» (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 56-АПУ16-15) [78].

Следующей формой бандитизма является участие в банде (ч. 2 ст. 209 УК РФ). Участие в банде представляет собой не только непосредственное участие в совершаемых ею нападениях, но и выполнение членами банды иных активных действий, направленных на ее финансирование, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения и т.п. (п. 9 Постановления пленума Верховного Суда РФ № 1). Какие еще действия подпадают под это «и т. п.» Верховный Суд РФ никаких пояснений на это счет не дает. Например, участник банды, не зная о планируемом преступлении, подвозит на личной автомашине исполнителей убийства к месту совершения преступления. Можно ли квалифицировать его действия как активного участника банды? С одной стороны, если исходить из разъяснений Верховного суда РФ, то состава преступления в его действиях нет. С другой стороны, подобные действия водитель в любом случае совершает в интересах банды. Следовательно, он, по крайней мере, является активным участником банды и подлежит уголовной ответственности пусть только за бандитизм, без совокупности с убийством, совершенным другими участниками банды. Каким образом суд при вынесении приговора может отличить активного участника банды от остальных его членов, не подлежащих уголовной ответственности в рамках действующего уголовного кодекса? Ответа на это вопрос законодательство, разъяснения Верховного Суда РФ и практика его применений не дают [51, с. 251].

На практике это решается следующим образом.

Например, ФИОб, являясь активным участником банды, по указанию ее лидера, курировал группу членов банды, специализирующуюся на совершении

нападений на граждан в целях убийства, подыскивал новых членов банды и лиц, необходимых для участия в конкретных нападениях, согласовывал их участие в банде или преступлениях с руководителем преступного формирования, получал лично от последнего указания на совершение убийств определенных лиц, а так же необходимую информацию об объектах преступного посягательства, доводил их до курируемой группы членов банды. Кроме того, в интересах банды ФИОб хранил огнестрельное оружие и боеприпасы, обеспечивал ими иных членов банды, планировал совершение преступлений, распределял роли участников нападений и согласовывал их с лидером банды, за счет полученных от лидера банды денег обеспечивал курируемую группу членов банды жильем, дополнительными транспортными средствами, средствами связи, организовывал сбор информации о потерпевших, передавал членам курируемой группы банды в качестве оплаты за выполняемые нападения на граждан денежные средства, полученные от руководителя банды, а также принимал непосредственное участие в подготавливаемых убийствах.

Другой участник этой же банды в интересах банды осуществлял хранение огнестрельного оружия и боеприпасов, по указанию лидера обеспечивал участников банды и иных участвующих в преступлениях лиц необходимым для совершения нападений оружием и транспортными средствами, подыскивал лиц, необходимых для участия в совершаемых бандой нападениях, согласовывал их участие в преступлениях с лидером банды, получал лично от последнего указания на совершение убийств определенных лиц, необходимую информацию об объектах преступного посягательства, определял наиболее подходящие для совершения нападений места, в деталях планировал действия всех участников преступлений и согласовывал их с лидером банды, за счет полученных от создателя банды денег обеспечивал задействованных в нападениях лиц жильем, транспортными средствами, средствами связи, обеспечивал сбор дополнительной информации о потерпевших, передавал исполнителям преступлений в качестве оплаты за выполняемые нападения на граждан

денежные средства, а также принимал непосредственное участие в подготавливаемых убийствах.

Другие участники банды, в том числе Скрипниченко А.М. в соответствии со своими ролями в банде собирали дополнительную информацию о потерпевших, как объектах преступного посягательства (местах их пребывания, маршрутах передвижения, использовавшемся автотранспорте, наличии охраны), получали, перевозили и хранили огнестрельное оружие в интересах банды, принимали участие в корректировке планов убийств с учетом местности и избираемых способов совершения преступлений, непосредственно участвовали в нападениях на граждан, а также принимали меры к сокрытию следов совершенных участниками банды преступлений (Приговор Самарского областного суда от 23.01.2017 г. по уголовному делу № 2-32/2016 2-5/2017) [87].

И последней, наиболее спорной формой бандитизма является участие в совершаемых бандой нападениях.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 дано толкование понятия нападения, как действий, направленных на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения (п. 6). Однако в уголовно-правовой науке единого понимания содержания нападения нет и это связано, в основном, с разными позициями по соотношению «нападение-насилие» [58, с. 285-289].

К примеру, А.И. Рарог и Т.И. Нагаева считают, что «стремительность, интенсивность (опасность), открытость, вооруженность, направленность умысла (цели) являются факультативными признаками нападения, а как видовое понятие, нападение - это неспровоцированное внезапное агрессивное насильственное воздействие на потерпевшего или на охраняемые уголовным законом объекты» [45, с. 345, 357].

Такое понимание нападения больше восходит к способу действия, а также пониманию личности бандита, выраженному С.В. Познышевым: «Бандит открыто заявляет о своем господстве над физической личностью другого

человека, преодолевает физической силой сопротивление последнего или парализует его страхом, угрожая физическим насилием. Это грубое проявление физической силы - первый характерный признак бандитского нападения» [42, с. 78-79], а в свете современного законодательства господство физической силы подкреплено оружием.

Итак, нападение представляет собой любые действия, направленные на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны, сопряженные с физическим или психическим насилием либо готовностью при необходимости применения такого насилия.

Законодатель в данном случае предусмотрел ответственность за соисполнительство; исполнителями этого преступления являются лица, совершающие нападения совместно с бандой.

Ж.В. Островских обращает внимание на то, что другие нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за похожие деяния, заключающиеся в участии в таких преступных объединениях или групп лиц, как организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ), организация преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) не содержат такой формы участия, как в преступлениях, совершаемых этими преступными объединениями [40, с. 114].

В связи с чем ученый делает вывод о том, что «такая форма бандитизма как «участие в бандитском нападении» подлежит декриминализации, она не только не соответствует концепции уголовного законодательства, но и позволяет привлекать к уголовной ответственности лицо дважды за одно и то же деяние, а соответственно она противоречит Конституции РФ (ч. 1 ст. 50). Исходя из принципа прямого действия основного закона, в настоящее время суды обязаны не применять статью 209 УК РФ в части противоречащей Конституции РФ» [40, с. 115].

В.В. Мальцев также полагает, что «норма, предусмотренная ч. 2 ст. 209 УК («участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею

нападениях)), не обладает самостоятельным содержанием, по сути, превратилась в юридическую фикцию» [35, с. 39].

Действительно, в силу п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 нападение, совершаемое бандой, не охватывает «преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений», виновное лицо «несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ» (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 46-О12-56) [71].

С учетом же того, что «создание устойчивой, вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой)» - ч. 1 ст. 209 УК РФ не причиняет, а только ставит его в опасность причинения вреда, а также в связи с тем, что нападение - это всегда какие-либо преступные действия, такое понимание Верховным Судом РФ «нападения» как признака объективной стороны бандитизма фактически лишает этот признак своего собственного содержания, а нормы, предусмотренные ст. 209 УК РФ, - объектов охраны.

Представляется правильным причинение при нападении, совершенном бандой, смерти по неосторожности, как и умышленное причинение любого из видов вреда здоровью, всякого рода угрозы жизни и здоровью, должно охватываться составом ч. 2 ст. 209 УК РФ.

По смыслу закона в соответствии с ч. 2 ст. 209 УК РФ как бандитизм квалифицируется участие в совершаемом нападении и таких лиц, которые, не являясь членами банды, сознают, что принимают участие в преступлении, совершаемом бандой. На практике данный вопрос не вызывает вопросов и поэтому суд, установив, что лица, хотя и не являются членами банды, но принимали участие в совершенном бандой нападении, правильно квалифицирует их действия не только по соответствующей статье, но и по ч. 2 ст. 209 УК РФ (Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2004 г. № 46-004-25) [81].

Разъясняя порядок применения ч. 1 и ч. 2 ст. 209 УК РФ, суд отметил, что руководство бандой и участие в банде являются преступлениями с формальным составом и считаются оконченными с момента совершения соответствующих действий по руководству бандой или участию в ней независимо от того, были ли совершены конкретные нападения, для осуществления которых создавалась банда, количества этих нападений, периода времени и территории их совершения (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.08.2012 г. № 45-О12-46) [70].

Таким образом, бандитизм относится к числу многообъектных преступлений, в связи с чем в рамках данного состава необходимо выделять не только основной, но и обязательный дополнительный объект. Непосредственным объектом бандитизма выступают конкретные общественные отношения или группы взаимосвязанных отношений этой системы – безопасные условия жизнедеятельности граждан, нормальная деятельность предприятий, учреждений и организаций, общественное спокойствие и т. д.

Бандитизм имеет четыре формы: 1) создание банды; 2) руководство бандой; 3) участие в банде; 4) участие в совершаемых бандой нападениях.

1.3. Субъективные признаки состав бандитизма

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 1 обратил внимание на то, что «по смыслу ст. 209 УК РФ совершение любой из предусмотренных законом форм бандитизма возможно лишь с прямым умыслом» (п. 14).

Организатор (руководитель) банды должен осознавать общественную опасность и противоправность своих действий по созданию устойчивой, вооруженной группы, которая имеет цель - совершение нападений на граждан или организации (либо по руководству такой группой), и желает этого [9].

Об умысле лица, на создание банды, могут свидетельствовать умышленных действий по приисканию соучастников, финансированию, приобретению оружия и другие действия направленные на устойчивость и

организованность банды, в том числе и действия направленные на стабильность ее состава, тесную взаимосвязь между членами банды и согласованность их действий, то есть банда должна иметь высокий уровень организации.

Умыслом руководителя банды охватываются действия, направленные на увеличения числа участников организованной преступной группы.

Так, Гнездилов А.В., продолжая умысел на увеличение числа участников организованной преступной группы через общих знакомых познакомился с Киселевым В.В., с которым у него сложились тесные дружеские отношения и который, в свою очередь познакомил его с Омельчуком Н.А. Далее, Гнездилов А.В., продолжая умысел на увеличение числа участников организованной преступной группы познакомил Коновалова А.В. и Николаева Н.В. со своими знакомыми Киселевым В.В. и Омельчуком Н.А., с которыми поддерживал, в тот период времени, тесные дружеские отношения (Приговор Приморского краевого суда от 18.03.2016 г. № 2-4/2016 2-64/2015) [85].

Умысел организатора (руководителя) банды имеет сложное содержание, которое «предполагает его субъективную связь с другими участниками криминального объединения», которая «заключается во взаимной осведомленности организатора (руководителя) и других соучастников о совместном осуществлении преступной деятельности, связанной с вооруженными нападениями на граждан или организации» [9].

По словам А.В. Покаместова «в связи с той ролью, которую выполняет организатор, содержание его умысла включает прежде всего представление общей цели преступной деятельности, структуры преступной группы, посредством которой она должна быть достигнута, состава участников устойчивой преступной группы, форм организационных связей, методов преступной деятельности и т.п. Организатор преступной деятельности может быть и не осведомлен об отдельном конкретном преступлении, о тех или иных его обстоятельствах (времени, месте совершения, орудиях и средствах совершения, лицах, его совершивших, и пр.) при условии, если это

преступление совершено участниками организованной им преступной группы и соответствует общей цели ее преступной деятельности» [43, с. 40].

При этом, если руководитель банды не принимает непосредственное участие в совершаемых преступлениях, он также подлежит ответственности на ч. 1 ст. 209 УК РФ.

Так, суд счел, что, поскольку осужденный создал и руководил бандой, его действия квалифицировались по ч. 1 ст. 209 УК РФ. По мнению суда, тот факт, что он сам непосредственно не принимал участие в конкретных преступлениях, не совершал лично действий с оружием и боеприпасами, состоявшими на вооружении банды, не исключал его ответственность за совершенные другими преступления, поскольку они охватывались его умыслом, совершались по его прямому указанию и распоряжению, передаваемым через второго руководителя банды (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 07.06.2017 г. № 10-АПУ17-4) [74].

Прямой умысел участника банды предполагает осознание этим лицом факта своей принадлежности к вооруженной банде и желание состоять ее членом.

Так, суд сделал вывод о том, что Першин С.В. осознавал, что действует в составе организованной, вооруженной группы, так как добровольно заранее присоединился к Семенов Е.Н. и Спановскому С.Ю., с которым был знаком на протяжении ряда лет (около 10 лет). Спановский С.Ю. пояснил, что находился с Першин С.В. в приятельских отношениях. Поэтому суд посчитал, что между Семенов Е.Н., Спановским С.Ю. и Першин С.В. и имелась устойчивая связь. Они заранее объединились для совершения этого преступления. Першин С.В. присоединился к организованной группе, имея при себе огнестрельное оружие. Только после того как в группе появилось огнестрельное оружие, стало возможным нападение на ФИОб, поскольку без огнестрельного оружия члены организованной группы не решались совершить данное преступление (Приговор Самарского областного суда от 07.12.2011 г. по уголовному делу № 2-42/2011) [95].

Содержанием прямого умысла при участии в нападениях, совершаемых вооруженной бандой, будет осознание факта своего участия в нападениях, совершаемых вооруженной бандой, и желание участвовать в них.

Так, способ совершения преступлений с применением огнестрельного оружия, в том числе - с приспособлениями для бесшумной стрельбы, выстрелы в потерпевших с близкого расстояния, свидетельствовали о наличии у участников банды прямого преступного умысла в каждом эпизоде инкриминируемых подсудимым деяний, независимо от роли и степени участия каждого в данных преступлениях (Приговор Московского городского суда от 21.05.2015 г. по делу № 2-***/2015) [96].

На практике возникают вопросы о квалификации действий участников группы при возникновении у них внезапного умысла на совершение преступления и вменении им состава ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Например, при рассмотрении одного уголовного дела, суд отметил, что доводы о том, что между осужденными сложились дружеские отношения, не исключает того, что целью их объединения в преступную группу являлись намерения каждого по совместному совершению преступлений. Утверждение о том, что целью создания банды является нападения на граждан и организации являются правильным, что однако не исключает совершение бандой, процесс формирования которой окончен, других преступлений. Поэтому включение в объем преступной деятельности банды краж чужого имущества закону не противоречит, а квалификация кражи, совершенной бандой, по признаку ее совершения организованной группой соответствует требованиям уголовного закона. С учетом изложенного доводы о спонтанности возникновения умысла на совершение преступления в отношении К. об отсутствии стадии подготовки данного преступления не свидетельствуют о том, что данное деяние ошибочно включено в объем преступной деятельности банды.

Кроме того, доводы о неверной квалификации действий Прокопьева в связи с тем, что по выводам суда Прокопьев в краже имущества К. участвовал как соисполнитель, являются ошибочными и не соответствуют выводам суда о

том, что непосредственного участия в изъятии имущества собственника он не принимал. Вместе с тем участие лица в одном или нескольких преступлениях, совершаемых бандой, в качестве их соисполнителя не исключает квалификацию его действий по ч. 1 ст. 209 УК РФ как лица, создавшего банду и (или) руководившего ею (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.01.2017 г. № 48-АПУ16-46) [75].

Проблематичным является на практике установление вины в отношении лица, которое не является участником банды, но принимает участие в совершаемом нападении.

По данному вопросу разъяснение дано в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1, согласно которой действия таких лиц, которые не являясь членами банды, сознают, что принимают участие в преступлении, совершаемом бандой, квалифицируются как бандитизм в соответствии с ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Так, у ФИО29, в пользовании находился автомобиль, принадлежащий ФИО52 и Стыров А.С. предложил ему участвовать в хищении денег у лиц, перевозящих наличные деньги, он согласился. Стыровым А.С. ему была отведена роль водителя, Азехову В.Э. и Таразанову В.Н. непосредственных исполнителей нападения. Он осознавал, что согласился участвовать в организованной, вооруженной группе и совершаемых ею преступлениях, где каждому отведена своя роль (Приговор Самарского областного суда от 18.07.2014 г. по уголовному делу № 2-19/2014) [90].

Об осознании лицом того, что он совершает преступление в составе банды свидетельствует также его осведомленность о роде деятельности банды, вооруженности, устойчивости, постоянстве форм и методов преступной деятельности членов банды (Определение Верховного Суда РФ от 05.06.2008 г. № 23-008-15) [80].

Однако, если лицо, совершающее преступление в составе банды не осознает этого, то такие действия квалифицируются по факту совершенного

преступления в составе группы лиц [19, с. 14]. Такая же позиция отражена и в существующей судебной практике.

Например, в конце марта 2003 г. руководитель банды Я. принял решение о совершении разбойного нападения в г. Курске на Г., для чего привлек членов банды Н., Сошникова, Т.А.В., Л., а также Т.А.Н., который не являлся членом банды и не осознавал, что принимает участие в преступлении, совершаемом бандой.

Квалифицируя действия осужденного как совершенные в составе организованной группы, суд одновременно с этим указал, что Т.А.Н. в банде не участвовал, ее членом не являлся и не осознавал, что принимает участие в преступлении, совершаемом бандой. Из описания преступного деяния, признанного доказанным, следует, что Т.А.Н., действуя по сговору и совместно с С., Т.А.В., а также другими лицами, принял участие в одном разбойном нападении на Г. и М., незаконно проникнув в жилище, где Т.А.В., имея обрез охотничьего ружья, а Т.А.Н. сигнальный пистолет, угрожали потерпевшим, требуя выдать им деньги и ценности. Из показаний осужденных Н., С., Л. на предварительном следствии видно, что Т.А.Н. согласился принять участие в разбое в день его совершения, и его вооружили сигнальным пистолетом (который огнестрельным оружием не является).

Выводы суда о том, что Т.А.Н. встречался с членами банды, когда те делились информацией и обсуждали объекты предстоящих нападений, разделял преступные цели членов банды, незаконно перевозил, передавал и носил огнестрельное оружие - обрез, изготовленный из двуствольного охотничьего ружья, и боеприпасы к нему, являются предположением, поскольку не подтверждены доказательствами, приведенными в приговоре.

При таких обстоятельствах следует признать, что действия Т.А.Н. по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой организованной группой) квалифицированы ошибочно и поэтому они подлежат переквалификации на п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с незаконным

проникновением в жилище, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.04.2007 г. № 795-П06) [67].

Возникает вопрос: по отношению к каким преступным действиям должен быть установлен именно прямой умысел? Представляется, что прямым умыслом должна охватываться общая цель создания банды - организаторы и участники банды желают совершить нападения на предприятия, учреждения, организации, граждан. Умысел же по отношению к конкретным последствиям нападения, например к лишению жизни людей, может быть как прямым, так и косвенным, что также требует квалификации по соответствующим статьям УК РФ по совокупности как для лиц, участвующих в нападении, связанном с убийством, так и для лиц, создавших банду или руководивших ею [10, с. 22].

Интересен тот факт, что для установления умысла лица, совершающего преступление в составе банды и вменения ему соответственно ч. 2 ст. 209 УК РФ необходимо, не только осознание лицом, что он совершает данное преступление в составе банды, но и то, чтобы он разделял специальную цель создания этой банды.

Так, суд, на основании исследованных доказательств пришел к выводу о том, что К.К. входил в организованную группу, но не разделял специальную цель создания устойчивой вооруженной группы (банды), без которой его эпизодическое и, так сказать, «пацифистское» (безоружное) участие из корыстных побуждений в разбойных нападениях полностью охватывалось п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ и не требовало дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 209 и ч. 3 ст. 222 УК РФ. В связи с изложенным по ч. 2 ст. 209 и ч. 3 ст. 222 УК РФ подсудимый К.К. был оправдан, за непричастностью к данным преступлениям (Приговор Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 10.10.2012 г. № 2-26/2012) [82].

Действительно, цель (нападение на граждан и организации) является обязательным признаком субъективной стороны состава бандитизма.

Содержание уголовно-правовой категории «цель» основано на общефилософском понимании цели как «конечном результате деятельности человек а(или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть определяют выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению» [54, с. 646].

Н.С. Таганцев писал, что «где в состав преступного деяния вводится по тексту закона указание на определенную цель или определенный план, т.е. указывается на выбор известного способа или средства действия, закон всегда предполагает, что виновный не только сознавал то, что он делает, и то, что может произойти из его действий, и сознательно направил себя по этому пути, но, кроме того, что он исходил именно из указанных законом побуждений и сознательно пользовался тем способом, которым выполнено преступное деяние» [цит. по: 58, с. 285].

Цель преступления входит в субъективную сторону преступления и является представлением о желаемом результате, к достижению которого стремится лицо, совершающее преступление [53, с. 186]. Все преступления, в состав которых введен элемент специальной цели действий, могут быть совершены лишь с прямым умыслом [41, с. 292].

Применительно к бандитизму (ст. 209 УК РФ) эти положения означают, что создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации осуществляется только с прямым умыслом.

Доказывание специальной цели создания банды имеет важное значение, т.к. по содержанию этой цели возможно разграничение бандитизма с другими преступлениями. Л.В. Глазкова обоснованно пишет, что «при отсутствии в действиях лиц цели совершить нападение отсутствует состав бандитизма, а это означает, что цель нападения является обязательным признаком состава» [18, с. 57].

Т.В. Шутемова, отмечает, что «степень сложности доказывания цели создания банды зависит от времени ее выявления — до того, как банда начала осуществлять свою преступную деятельность, или после. Если банда выявлена

до начала ее преступной деятельности, то о цели ее образования будет свидетельствовать конспиративность создания устойчивой группы и обеспечения ее оружием, установление направленности предполагаемой деятельности такой группы путем определения «специализации». Выявление банды после начала ее преступной деятельности облегчает доказывание цели ее создания, поскольку цель фактически реализована и возможно установление тех или иных следов такой реализации» [57, с. 16].

Например, ссылки стороны защиты на отсутствие в действиях подсудимых состава преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, ввиду того, что после приобретения огнестрельного оружия было совершено лишь два разбойных нападения, при этом в последнем случае огнестрельное оружие подсудимые с собой на преступление не брали, а все последующие преступления являлись тайным хищением чужого имущества, суд находит несостоятельными. Так, по смыслу уголовного закона, руководство бандой, а также участие в банде являются преступлениями с формальным составом и считаются оконченными с момента совершения соответствующих действий по руководству бандой или участию в ней независимо от того, были ли совершены конкретные нападения, для осуществления которых создавалась банда, количества этих нападений, периода времени и территории их совершения.

Таким образом, количество совершенных бандой нападений не имеет никакого значения для квалификации действий ее создателя, руководителя и участников по соответствующим частям ст. 209 УК РФ. Напротив, юридическое значение для решения вопроса о наличии данного состава преступления имеет цель создания банды - совершение нападения на граждан и организации. Наличие же данной цели у рассматриваемой группы лиц подтверждается показаниями С.В.В. о том, что изначально, предлагая объединиться, М.Р. говорил о необходимости совместного совершения, в том числе нападений на граждан и организации, что и было реализовано путем совершения двух нападений (на кiosk и АЗС, подготовленной, но не состоявшейся попыткой нападения на женщину, о которой дал показания С.В.В.). С той же целью

совершения нападений приискивалось и приобреталось огнестрельное оружие, после чего было совершено еще два разбойных нападений (на пункт приема металла и на Б.Н.В.). Как следует из показаний С.В.В., М.Р. обговаривалось и возможность совершения в будущем более «серьезных» преступлений - нападение на ювелирные магазины, инкассаторов. Тот факт, что после нападения на Б.Н.В. группой совершались лишь тайные хищения чужого имущества, объясняется привлечением С.В.В., а затем и С. к уголовной ответственности, в связи с чем М.Р. было принято решение на некоторое время прекратить совершение разбойных нападений, ограничившись кражами. В то же время остальные участники группы в этот период не приостанавливали действий по подысканию организаций и граждан для того, чтобы в последующем продолжить совершать нападения с использованием оружия (указанное усматривается из показаний С.В.В.) (Приговор Алтайского краевого суда от 23.09.2014 г. по делу № 2-30/2014) [86].

В отличие от разбоя, при котором целью нападения является хищение чужого имущества, для бандитизма не предусмотрено конкретных целей совершаемых бандой нападений и, как отмечено в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1, это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.д.

Факультативным признаком состава ст. 209 УК РФ является мотив. Основой объединения членов банды может являться корыстное стремление каждого из них извлечь в результате совместной преступной деятельности крупную наживу (материальные блага). Большинство преступлений в составе банды совершается с корыстным и корыстно-насильственным мотивами.

Например, целью банды было совершение нападений на граждан и организации, а также иных преступлений по найму, то есть за денежное вознаграждение и совершение разбойных нападений. В результате совместной преступной деятельности между членами банды установились устойчивые

взаимоотношения, направленные на выполнение определенных преступных действий в интересах банды.

При этом, применяемое в отношении Н. насилие и угрозы были обусловлены исключительно корыстными целями и связаны с желанием участников банды подавить волю потерпевшего и завладеть его денежными средствами, как находящимися непосредственно при нем, так и теми, что Н. должен был передать в последующем (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.01.2018 г. № 50-АПУ17-18) [73].

Субъект преступления - вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, являющееся организатором или руководителем банды. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные преступления в составе банды, подлежат ответственности лишь за те конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-летнего возраста (ст. 20 УК РФ) (абз. 2 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1).

В том случае, если имеется устойчивая вооруженная группа, совершающая нападения на граждан или организации, но ее участники не являются субъектами бандитизма в силу возраста или невменяемости, за исключением одного, а к ней присоединяется лицо – субъект бандитизма, осознающее это фактическое обстоятельство, то создание банды будет окончено именно с момента присоединения второго субъекта бандитизма. Следовательно, это присоединившееся к такой группе лицо также необходимо признавать создателем банды [37, с. 19].

Следует также заметить, что «в отличие от состава создания банды, когда для оконченого состава преступления необходимо наличие как минимум двух субъектов бандитизма, руководство бандой может осуществлять одно лицо. Вместе с тем нельзя исключить случаи, когда руководство бандой в целом осуществляется коллегиально (двумя или более лицами). При этом между руководителями могут быть распределены конкретные функции» [37, с. 20].

Выводы по первой главе выпускной квалификационной работы.

Во-первых, в УК РФ законодатель использует термин «банда», определяя ее как устойчивую вооруженную группу, созданную в целях нападения на граждан или организации.

Во-вторых, бандитизм относится к числу многообъектных преступлений, в связи с чем, в рамках данного состава необходимо выделять не только основной, но и обязательный дополнительный объект. Бандитизм имеет четыре формы: 1) создание банды; 2) руководство бандой; 3) участие в банде; 4) участие в совершаемых бандой нападениях.

В-третьих, цель (нападение на граждан и организации) является обязательным признаком субъективной стороны состава бандитизма. Создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации осуществляется только с прямым умыслом. Доказывание специальной цели создания банды имеет важное значение, т.к. по содержанию этой цели возможно разграничение бандитизма с другими преступлениями.

Глава 2. Вопросы квалификации бандитизма

2.1. Использование служебного положения как квалифицирующий признак состава бандитизма

Квалифицирующим составом ст. 209 УК РФ являются деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения. Иными словами в данном случае речь идет о специальном субъекте преступления, под которым понимается «использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении бандой нападения либо при финансировании ее преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов банды и т.п.» (п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1).

Так, К.Р.Г. Р.Г., используя свое служебное положение, должны были подыскать огнестрельное оружие и форменную одежду сотрудников органов внутренних дел, для использования при совершении планируемых преступлений. Действия К.Р.Г. Р.Г. суд квалифицировал по ч.3 ст. 209 УК РФ, как участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и в совершенных ею нападениях, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (Приговор Смоленского областного суда от 15.05.2013 г. № 2-13/2013 2-85/2012 по уголовному делу № 2-13/2013) [92].

Использование служебного положения может выражаться «в обеспечении безопасности деятельности лиц, например наркоторговцев; укрытии совершаемых преступлений; обеспечении наркоторговцев техническими и иными средствами; для облегчения совершения преступления предоставление сведений, ставших известными лицу в силу своего служебного положения, которые используются преступниками, и др.» [46, с. 1080].

В доктрине использование лицом своего служебного положения определяется, как «не только выполнение тех прав и обязанностей, которые предоставляются соответствующим лицам по закону, но и использование возможностей, вытекающих из их служебного положения (связи, авторитет, возможность контактов с нужными людьми и т.д.)» [цит. по: 46, с. 1080].

При этом, следует согласиться с утверждением ученых, что «понятие «использование служебного положения» напрямую связано с понятием «служебная деятельность»» [цит. по: 46, с. 1080]. Иными словами, «лицо, осуществляющее служебную деятельность, безусловно занимает определенное служебное положение, следовательно, может использовать его для совершения преступления» [цит. по: 46, с. 1080].

Например, соучастник № 15, являясь участником банды, под руководством Соучастника № 11, а в последующем Соучастника № 3, структурно входившей в преступное сообщество, возглавляемое Соучастником № 1 и другими лицами, одновременно состоя в должности ХХХ района Республики Северная Осетия - Алания, используя свое служебное положение, властные и иные полномочия работника прокуратуры, в том числе запрет на его задержание, привод, личный досмотр, досмотр его вещей и используемого им транспортного средства, предоставленные ему частью второй ст. 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», обеспечивал членам устойчивой организованной вооруженной группы беспрепятственное передвижение по территории Российской Федерации, в том числе при проезде к местам совершения нападений и мобильном отходе оттуда, а также транспортировку огнестрельного оружия и боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ, имевшихся на вооружении банды (Приговор Московского городского суда от 24.08.2017 г. по делу № 2-48/2017) [97].

Квалифицирующий признак «использование служебного положения» на практике вменяется в вину должностным лицам, а также лицам, которые выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, в организациях любой формы собственности.

При квалификации действий виновного по ч. 3 ст. 209 УК РФ не обязательно, чтобы лицо каждый раз при совершении действий в интересах банды использовало свое служебное положение. Достаточно одного факта использования своего служебного положения при создании банды, во время руководства ею, а также в процессе участия в банде. Вместе с тем для признания квалифицированного вида участия в совершаемых бандой нападениях необходимо, чтобы лицо, не являющееся членом банды, каждый раз в процессе нападения использовало свое служебное положение. В противном случае действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 209 (при совершении нападения совместно с бандой с использованием своего служебного положения) и по ч. 2 ст. 209 УК РФ (при совершении нападения совместно с бандой без использования своего служебного положения).

Однако, следует заметить, что на практике рассматриваемый квалифицирующий признак применяется достаточно редко.

Так, квалифицирующий признак в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности был исключен из приговора, так как по делу было установлено, что ФИО18 на условиях дружбы перевозил деньги от одного частного лица другому, а для сопровождения попросил своего знакомого ФИО24, работавшего охранником в частном охранном предприятии, сопроводить его. Для этого ФИО24, в свою очередь, пригласил с собой такого же охранника ФИО25. ФИО24 и ФИО39, как и ФИО18, действовали в частном порядке, оказываемая ими ФИО18 услуга не входила в их служебные обязанности (Приговор Самарского областного суда от 01.08.2012 г. по уголовному делу № 2-2/2012 (2-61/2011;)) [93].

В другом случае, Марков С.А., являясь действующим сотрудником правоохранительных органов, обладая познаниями в сфере правоохранительной деятельности, о форме, способах и методах выявления преступлений, привлечения лиц, их совершивших, к ответственности, в частности, работая в направлении борьбы с организованной преступностью, обладая связями в

правоохранительных органах Республики Крым, действуя совместно и согласованно с руководителями банды, а также ФИО12 и другими ее участниками, осознавая цели функционирования устойчивой вооруженной группы, связанные с нападениями на граждан и организации, свою роль в совершаемых преступлениях, реализуя умысел на участие в банде с использованием своего служебного положения, предоставлял руководителям банды информацию, доступную ему в связи с занимаемым служебным положением, участвовал в разработке планов совершения преступлений в форме дачи советов, консультаций и инструктажа, содействовал совершению преступлений устранением препятствий.

Доводы Маркова С. А. и его защиты, о том, что он не являлся членом банды, суд расценивает как способ защиты, поскольку из показаний Маркова С.А., данных в ходе судебного следствия усматривается, что он поддерживал тесные дружеские отношения с лидерами преступной группы, регулярно общался с ними, был осведомлен о том, на кого именно из членов банды была возложена обязанность криминального контроля за предприятиями и субъектами предпринимательской деятельности, за совершение вооруженных нападений, за пополнение сформированной преступным путем финансовой базы, за вооружение банды и другие функции. Марков был осведомлен не только о деятельности банды, ее структуре, дислокации, наличии оружия, общей казне, но и совершаемых бандой преступлениях. Такими подробными сведениями о структуре банды, ее деятельности, источниках финансирования, готовящихся и совершенных преступлениях, мог обладать только член указанной банды.

Марков С.А., являясь работником правоохранительных органов, обладая указанными сведениями о преступной деятельности банды, не только не предпринимал мер для предотвращения преступлений, совершаемых бандой, на протяжении длительного периода скрывал информацию о деятельности банды, но и оказывал содействие членам банды в совершении ими преступлений,

осуществлял консультирование, предоставлял информацию, доступную ему в связи с его служебным положением.

Об участии Маркова С.А. в банде свидетельствовали также его показания о том, что в случае, если к нему обращались его знакомые по причине незаконных действий членов банды, вымогательства и отбирания имущества, он мог позвонить лидерам банды, в частности ФИО12, и сказать, чтобы имущество вернули. При этом официально данные факты преступной деятельности банды им не фиксировались.

Доводы подсудимого Маркова С.А. о том, что он поддерживал отношения с преступной группировкой в силу своих профессиональных обязанностей опровергаются информацией Управления ФСБ по Республике Крым и г. Севастополю, согласно которой в Управлении нет сведений о том, что Марков С.А. проводил агентурную работу среди членов ОПГ по указанию руководства ГУ СБУ в АР Крым. В ходе проведения комплекса ОРМ информации о факте информирования Марковым С.А. руководства СБУ о преступлениях, связанных с бандитизмом, не получено.

При этом действия Маркова были квалифицированы судом по ч. 2 ст. 209 УК РФ, т.е. как участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях (Приговор Верховного Суда Республики Крым от 25.09.2015 г. № 1-14/2015 по уголовному по делу № 1-14/2015) [83].

Таким образом, в целях правильного вменения рассматриваемого квалифицирующего признака, необходимы более конкретные разъяснения высшей судебной инстанцией.

2.2. Проблемы квалификации бандитизма по совокупности с другими составами преступлений

Одной из наиболее сложных проблем является квалификация бандитизма по совокупности с другими преступлениями.

До недавнего времени, позиция правоприменителя по данному вопросу была достаточно противоречивой. Суды в ряде случаев квалифицировали все деяния, совершенные бандой по совокупности со статьями Особенной части УК РФ, устанавливающими ответственность за конкретные преступления. В других случаях квалификация бандитизма являлась единственной при совокупной правовой оценке деятельности такого преступного формирования [36, с. 239].

Такая же позиция превалировала и в доктрине.

В частности, Н.И. Загородников считал, что «в процессе бандитских нападений могут быть совершены такие преступления, как убийство, похищение государственного, общественного или личного имущества, огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, уничтожение государственного или общественного имущества и т.п. Эти действия охватываются составом бандитизма и не требуют дополнительной квалификации. Дополнительной квалификации не требуется также, если банда совершила посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью или другие насильственные действия, сопряженные с причинением вреда жизни и здоровью» [21, с. 122].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой квалификация бандитского нападения, связанное с убийством или хищением по совокупности являлась излишним, та как по своей структуре бандитизм является сложным составным преступлением [32, с. 49].

В настоящее время данный спор решение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1, согласно п. 13 которого «ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно

которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ».

Однако, несмотря на данное разъяснение высшей судебной инстанции на практике допускаются ошибки.

Так, принятое судом решение об исключении из обвинения осужденного Большухина ст. 222 ч. 3 УК РФ в связи с тем, что, по мнению суда, его действия в этой части обвинения охватываются составами преступлений, предусмотренных ст. ст. 209 ч. 2 и 162 ч. 4 п. «а» УК РФ, в совершении которых он признан виновным, нельзя признать соответствующим установленным в суде фактическим обстоятельствам совершенных правонарушений и нормам уголовного закона.

Предъявленное Большухину обвинение по ст. 222 ч. 3 УК РФ содержит изложение совершенных им конкретных действий, которые, по мнению государственного обвинителя, содержат самостоятельный состав преступления, и требует принятия судом, в зависимости от его доказанности в ходе судебного заседания, отдельного процессуального решения.

Приведенные судом первой инстанции мотивы исключения ст. 222 ч. 3 УК РФ из обвинения Большухина нельзя признать соответствующим разъяснениям, которые содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.09.2010 г. № 9-О10-43) [72].

Следует остановиться на достаточно важном вопросе, связанном с квалификацией бандитизма, сопряженного с убийством. На практике убийство, сопряженное с бандитизмом квалифицируется по совокупности со ст. 209 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 постановления «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [65], разъяснил, что по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений.

Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в

совокупности со статьями УК РФ, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм.

Так, Скрипниченко А.М. с участниками банды, а так же с иными привлеченными лицами, по указанию и под руководством ее лидера, совершены следующие вооруженные нападения на граждан: убийство ФИО10; убийство ФИО11 и ФИО1; покушение на убийство ФИО4; покушение на убийство ФИО12

По совершению убийства ФИО10, а так же ФИО11 и ФИО1 действия Скрипниченко А.М. суд квалифицировал по п. «а, е, ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство, то есть умышленное причинение смерти двум и более лицам (3-м лицам), организованной группой, по найму, сопряженное с бандитизмом, а в отношении ФИО11 и ФИО1, совершенное общеопасным способом.

По эпизоду покушения на убийство ФИО4, ФИО12, суд квалифицирует действия подсудимого по ч. 3 ст. 30, п. «а, е, ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21.07.2004 № 73-ФЗ), как покушение на убийство, то есть умышленные действия лица, непосредственно направленные на причинение смерти двум и более лицам, совершенные общеопасным способом, организованной группой, по найму, сопряженные с бандитизмом, так как Скрипниченко А.М. и участники банды сделали все для причинения смерти потерпевшим, однако смерть не наступила по не зависящим от них обстоятельствам.

Квалифицирующие признаки организованной группой, по найму, общеопасным способом, сопряженное с бандитизмом, по вышеизложенным преступлениям вменены обоснованно, поскольку Скрипниченко А.М. по каждому эпизоду действовал в составе группы объединившийся для совершения убийства, обладающей всеми признаками организованной группы, совершая преступления, стремился получить вознаграждение от лидера преступной группировки, по ряду преступлений осознавал, что избранный способ убийства представлял реальную опасность для жизни других лиц помимо избранной жертвы, при этом все преступления были обусловлены его

участием в банде (Приговор Самарского областного суда от 23.01.2017 г. по уголовному делу № 2-32/2016 2-5/2017) [87].

Представляется, что подобная точка зрения является обоснованной, поскольку детальная квалификация позволяет судам индивидуализировать ответственность участников банды при назначении наказания, а также дает возможность учесть всю тяжесть последствий преступлений, совершенных подобной группой.

А.В. Иванчин считает, что «одной из причин коренного разворота практики является смягчение санкции за бандитизм (в санкции ст. 209 УК РФ отсутствует смертная казнь). Вторая причина – это попытка практики отыскать вариант наиболее точной и полной квалификации: человек должен отвечать не за «аморфную» преступную деятельность в составе банды, а за конкретные преступления. На определенном этапе (до 1989 г.) чувствовалась натяжка в квалификации, «недобор» в ней (например, банда совершила 10 - 15 тяжких преступлений, а оценка одна по ст. 77 УК РСФСР 1960 г.). Поэтому с 1989 г. и по сей день господствует квалификация по совокупности» [22, с. 26].

Новая редакция ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, вызвала споры среди ученых по поводу правил квалификации преступлений, сопряженных с иными преступлениями, когда это обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака.

Подобные вопросы вызывает и квалификация убийства, сопряженного с бандитизмом (следует ли содеянное квалифицировать по совокупности ст. 209 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ или только по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

По мнению большинства специалистов, «установленное в ч. 1 ст. 17 УК РФ исключение не распространяется на совершение убийств, сопряженных с преступлениями, названными в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таким образом,

сопряженность убийства с иными преступлениями не является примером законодательно учтенной совокупности» [52, с. 13].

Дискуссионным в теории является и вопрос о соотношении бандитизма и вооруженного разбоя, совершенного организованной группой.

По мнению В.В. Качалова «действия организатора банды, совершившей разбойное нападение, необходимо квалифицировать по части первой статьи 209 УК РФ (создание банды) и пункту «а» части четвертой статьи 162 УК РФ (разбой, совершенный организованной группой)» [26, с. 46].

В.М. Быков считает, что «разграничить банду и вооруженную организованную группу, совершающую разбойные нападения, совершенно невозможно... Просто следует признать, что разбой, совершенный организованной и вооруженной группой, – это и есть бандитизм...».

Доля разрешения данного вопроса была подана жалоба в Конституционный Суд РФ по поводу оспаривания конституционности ч. 2 ст. 209 УК РФ, поскольку она «позволяет квалифицировать разбой, совершенный по предварительному сговору в составе устойчивой вооруженной группы (банды), как совокупность преступлений, предусмотренных частью третьей статьи 162 УК РФ (в первоначальной редакции) и частью второй статьи 209 УК РФ. Не согласившись с вышеуказанными доводами, Конституционный Суд РФ указал следующее. «Участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях, уголовная ответственность за которое предусмотрена частью второй статьи 209 УК Российской Федерации, и разбой, совершенный организованной группой в целях завладения имуществом в крупном размере, ответственность за совершение которого предусмотрена пунктами «а» и «б» части четвертой статьи 162 УК Российской Федерации (до 8 декабря 2003 года ответственность за данное преступление предусматривалась пунктами «а» и «б» части третьей статьи 162 УК Российской Федерации), образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности. Поэтому назначение за них наказания по совокупности

преступлений не может рассматриваться как противоречие статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление, и не только не нарушает принцип справедливости, но, напротив, отвечает требованию справедливого наказания за совершенное преступление.

Данные преступления имеют разные объекты (общественная безопасность в одном случае, собственность и здоровье – в другом), цели преступления (участие в банде не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществляемых вооруженной бандой нападений, а разбой осуществляется только в целях хищения), объективную сторону (участие в банде может иметь формы финансирования, обеспечения ее оружием, транспортом, а разбой состоит в нападении на потерпевшего, сопряженном с применением насилия или с угрозой его применения). Иными словами, часть вторая статьи 209 и пункты «а» и «б» части четвертой статьи 162 УК Российской Федерации регламентируют разные преступления, которые могут иметь общий признак – совершение нападений, и не соотносятся между собой как часть и целое и как общая и специальная нормы.

Кроме того, оспариваемая заявителем статья 209 УК РФ, устанавливающая в части второй уголовную ответственность за участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях, не содержит положений, которые определяли бы правила квалификации деяний по совокупности преступлений. Такие положения содержатся в части пятой статьи 35 УК Российской Федерации, которая прямо предусматривает, что участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 208, 209, 210 и 282.1 этого Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Таким образом, отсутствуют основания для вывода о том, что оспариваемая заявителем часть вторая статьи 209 УК РФ нарушает его

конституционные права и свободы» (Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 г. № 601-О-О) [60].

Вопрос о квалификации организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней), сопряженных с созданием, руководством и участием в банде, был разрешен Пленумом Верховного Суда РФ в п. 21 Постановления «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [62]. Если участники преступного сообщества (преступной организации) наряду с участием в сообществе (организации) создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по статьям 209 и 210 УК РФ, а при наличии к тому оснований – также по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за участие в другом конкретном преступлении. В тех случаях, когда организатор, руководитель (лидер) и участники структурного подразделения, входящего в состав преступного сообщества (преступной организации), заранее объединились для совершения вооруженных нападений на граждан или организации, действуя в этих целях, вооружились и, являясь участниками созданной устойчивой вооруженной группы (банды), действовали не в связи с планами преступного сообщества (преступной организации), содеянное ими надлежит квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 209 УК РФ, а также по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за совершенное конкретное преступление.

Таким образом, необходимость квалификации деяния, предусмотренного ст. 209 УК РФ, по совокупности с преступлениями, совершаемыми бандой, определяется сложным по своей структуре объектом бандитизма, которым выступает общественная безопасность, включающая в себя ряд самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны, таких как жизнь и

здоровье человека, другие ценности и интересы личности, государственную и личную собственность, общественный порядок.

2.3. Отграничение бандитизма от смежных составов преступлений

В правоприменительной практике зачастую возникают трудности в отграничении бандитизма (ст. 209 УК РФ) от иных, смежных составов преступлений.

Наибольшее сложности возникают при разграничении бандитизма от таких смежных составов преступлений, как организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ) и организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ).

В судебной и следственной практике применения ст. 208 УК РФ нередко возникают проблемы отграничения незаконного вооруженного формирования от смежных составов. Вместе с тем, одним из важнейших элементов действенной борьбы с преступностью различного рода выступает определение верной квалификации содеянного. Отграничить незаконное вооруженное формирование от составов иных преступлений можно, в том числе, по признаку вооруженности, что обуславливает актуальность и значимость рассматриваемого вопроса.

Признаки военизованности и вооруженности сопряжены со способностью незаконного формирования вести боевые действия, которые являются организованными действиями их различных подразделений по выполнению поставленных целей и задач (бой, отступление, оборона).

Содержанием признака вооруженности выступает наличие у участников незаконного формирования огнестрельного или иного оружия любого вида, наличие боеприпасов и взрывчатых устройств, а также боевой техники [56, с. 45-48]. Важно отметить, что признак вооруженности в данном случае не тождественен строгому толкованию термина «оружия», поскольку незаконным

формированием также могут использоваться предметы фабричного и кустарного производства. Кроме того, на вооружении могут находиться тяжелые виды оружия и бронетехника.

Следовательно, понятие оружия исключительно по Федеральному закону «Об оружии» [3] не будет отражать сущности незаконного формирования, поскольку законом регламентирован легальный оборот оружия, в то время как преступным формированием могут использоваться предметы для поражения цели на незаконной основе. В таком случае действия лиц должны квалифицироваться по совокупности ст. 208 и ст. 222 УК РФ.

Можно привести следующий пример из судебной практики. Апелляционным определением Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 22–1318/2017 [82] было установлено, что вина осужденного Якубова Х.М. в участии в незаконном вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также в незаконном приобретении и хранении огнестрельного оружия и боеприпасов к нему установлена, выводы суда сделаны правильно. Так, по материалам дела в ходе обыска у Якубова Х.М. были обнаружены: переделанный карабин «Сайга-МК» № ЛО 9130322 и боевые патроны калибра 7,62 мм в количестве 29 штук. Данные действия подсудимого были квалифицированы по совокупности преступлений.

Следующим важным аспектом является определение количества вооруженных участников в данном незаконном формировании, которое свидетельствует о наличии признака вооруженности. На этот счет в доктрине уголовного права нет единого мнения [27, с. 101-107]. Кроме того, важно отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [61] также не определяет конкретное количество участников незаконного формирования с оружием. Представляется верным говорить о признаке вооруженности при наличии оружия у большинства участников незаконного вооруженного формирования или наличии иных единиц оружия (оружие массового поражения, тяжелое

вооружение) с готовностью его применения. Именно поэтому невооруженные участники преступного формирования могут также привлекаться к уголовной ответственности по ст. 208 УК РФ, даже если они выполняют хозяйственные и другие функции для обеспечения внутренней деятельности данной организации.

Признак вооруженности в ст. 208 и ст. 209 УК РФ имеет общие свойства (например, и в том, и в другом случае речь идет о вооруженных лицах в составе групп), однако степень и характер вооруженности в данных составах различны. По количественному критерию наличия оружия у участников возможно разграничить незаконное вооруженное формирование от банды. Согласно постановлению пленума Верховного Суда РФ № 1, банда считается вооруженной, если хотя бы один ее участник вооружен. Следовательно, применение аналогии при толковании признака вооруженности в данных составах недопустимо. Однако такой критерий не срабатывает, если преступное формирование имеет оружие массового поражения (тяжелую технику), наличие единицы которого может и образовать рассматриваемый признак.

При этом качественный признак вооруженности банды определяется в соответствии с Федеральным законом «Об оружии», что отличает эту преступную группу от незаконного формирования. Участники незаконного вооруженного формирования могут обладать иными предметами, используемыми для поражения цели, которые оцениваются с позиции возможности ведения боевых действий. Иными словами, вооруженность — это свойство незаконного вооруженного формирования в целом, а не отдельных его участников.

Также особый интерес представляет разграничение деяний, предусмотренных ст. 208, ст. 209 УК РФ, от организованной группы, совершающей разбой с применением оружия. В соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [64] под оружием понимаются любые материальные объекты, с помощью которых возможно причинить смерть или вред здоровью

потерпевшего, а также иные предметы, создающие реальную опасность для жизни или здоровья жертвы. Иными словами, понятие оружия при разбое организованной группы гораздо шире предусмотренного ФЗ «Об оружии». Вместе с этим, как в составах бандитизма или незаконного вооруженного формирования вооруженным может быть один участник данной группы, однако уголовная ответственность наступает и для невооруженных лиц, когда их умыслом охватывалась возможность его применения.

Таким образом, при разграничении незаконного вооруженного формирования, банды и разбоя необходимо руководствоваться не только количественными, но и качественными характеристиками. Однако нелишним было бы принятие соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ, что облегчило бы квалификационные задачи в рамках состава незаконного вооруженного формирования.

Давая правовую характеристику и анализ преступлений по статьям 209 и 210 УК РФ, особое внимание должно быть уделено институту соучастия, который позволит, учитывая законодательные признаки рассматриваемых составов, квалифицировать деяния лиц, совершенные в составе банды или преступного сообщества [11, с. 18].

При этом следует обратить внимание на то, что как теоретики, так и практические работники при квалификации общественно опасных деяний, сталкиваются с некоторыми проблемами. В частности, это относится к определению «преступное сообщество», а также вопросам разграничения преступлений, совершенных в составе банды и преступной организации, квалификации преступлений, предусмотренных статьями 209-210 УК РФ.

Следует отметить, что на сегодняшний день в правоприменительной деятельности вызывает сложность отграничение преступного сообщества в случаях вооруженности его членов, от бандитизма. В виду того, что в ст. 210 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак, как вооруженность, это приводит к тому, что фактические действия, входящие в объективную сторону по ст. 210 УК РФ, квалифицируются по ст. 209 УК РФ.

Однако при этом возникает определенная сложность, которую пытался разрешить Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», указав на то, что «если участники преступного сообщества (преступной организации), наряду с участием в таком сообществе (организации), создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по ст. ст. 209 и 210 УК РФ, а при наличии к тому оснований также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за участие в другом конкретном преступлении».

В разъяснениях Верховного Суда РФ указано, что ст. 209 УК РФ, которая устанавливает ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не закрепляет ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, которые образуют самостоятельные составы общественно опасных деяний. В связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями, закрепленными в ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений виновный несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи уголовного закона.

Так, исходя из установленных обвинительным вердиктом обстоятельств уголовного дела, суд квалифицировал действия М.С.В. следующим образом.

1. По ч. 1 ст. 209 УК РФ, как создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан и руководство такой группой (бандой).

Квалифицируя действия М.С.В., как создателя и руководителя банды, суд исходил из того, что М.С.В. в целях вооруженных нападений на граждан, создал устойчивую группу, отличающейся организованностью, стабильностью состава, жесткой дисциплиной, сплоченностью, наличием единого лидера и общих денежных средств, используемых для содержания группы и осуществления ее

целей, тщательной подготовкой и планированием нападений, и имеющей на вооружении пригодные для применения оружие, боеприпасы, взрывчатое вещество и взрывное устройство. Кроме того, М.С.В. принимал решения о совершении нападений в интересах банды, в том числе о лишении жизни лиц, препятствовавших реализации их целей; осуществлял общее планирование данных нападений; контролировал пополнение финансовой базы вооруженной группы денежными средствами; совершал другие действия по управлению вооруженной группой и организации ее деятельности. Все члены банды были осведомлены о наличии незаконного оружия и все они, кроме того, были вооружены охотничьими ружьями.

2. С учетом вердикта присяжных заседателей суд квалифицировал действия М.С.В. по ч. 1 ст. 210 УК РФ как создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) и входящим в него структурным подразделением.

Как следует из вердикта присяжных заседателей, М.С.В. на основе вооруженной группы создал для совершения противоправных деяний группу лиц под таким же названием, состоявшую из структурных подразделений, руководил этой группой и вошедшим в нее вооруженным структурным подразделением, участвовал в совершенных противоправных деяниях.

По предложению М.С.В. в состав группы в период ее формирования добровольно вошли желающие участвовать в противоправной деятельности и которые принимали участие в деятельности указанной группы, состоявшей из структурных подразделений. Основной целью создания данной структурированной группы было прямое или косвенное получение финансовой или иной материальной выгоды путем совершения противоправных деяний, в частности убийств (Приговор Пензенского областного суда от 04.07.2014 г. по делу № 2-2/2014) [91].

Однако важно обратить внимание на то, что если все обязательные признаки бандитизма совпадают с признаками преступного сообщества

(организации), как вооруженность, организованная группа, нападение, то это создает неразрешимые на данный момент сложности по квалификации данных деяний. В связи с этим может возникнуть вопрос о целесообразности существования такого состава преступления, как «бандитизм».

Сложность квалификации деяния, которые предусмотрены ст. 209-210 УК РФ определяется тем, что она охватывает общественную безопасность, которая, в свою очередь, включает в себя ряд самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны.

Изучение современной криминальной ситуации в сфере террористической преступности в Российской Федерации позволяет констатировать террористическую направленность современного бандитизма (ст. 209 УК РФ) особо опасного и преступного деяния, представляющего реальную угрозу как для личной безопасности граждан и их имущества, так и для нормального функционирования государственных, коммерческих или иных организаций.

Современный бандитизм тесно взаимосвязан с терроризмом и организацией незаконного вооруженного формирования или участием в нем (ст. 208 УК РФ) и имеет прямое отношение к террористической деятельности [47, с. 126]. В условиях возрастания террористическо-экстремистской угрозы в Российской Федерации бандитизм создает реальную угрозу основам общественной безопасности, так как именно банда нередко лежит в основе создания террористическо-экстремистских организаций и групп на территории Северного Кавказа, Террористические акты и другие общеопасные действия террористического характера довольно часто совершаются именно участниками банд и иных незаконных вооруженных формирований [38, с. 16, 19]. В настоящее время в республиках Северного Кавказа, в частности в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, участниками банд и иных незаконных вооруженных формирований ведется активная антигосударственная деятельность по подрыву основ конституционного строя и безопасности в

Северо-Кавказском регионе, совершаются бандитские вылазки, террористические акты и т.п. [25, с. 54]

Несмотря на то, что террористическая направленность бандитизма очевидна, указанный состав преступления не отнесен ст. 205.1 УК РФ (ч. 1 и примечание 1) к преступлениям, содействующим террористической деятельности. В связи с этим некоторые авторы высказывают мнение о необходимости отнесения бандитизма к преступлениям террористического характера [12, с. 27-28], с чем можно согласиться. Однако в данном случае следует говорить не о «преступлениях террористического характера» (т.е. понятии, от которого законодатель предпочел отказаться в УК РФ), а о «преступлениях, содействующих террористической деятельности» понятии, которое содержится в действующем УК РФ.

Наибольшие сложности возникают при разграничении бандитизма и террористического акта (ст. 205 УК РФ). Судебно-следственная практика идет по пути разграничения внешне схожих по объекту (отношения общественной безопасности) террористического акта и бандитизма по объективной стороне, целям и субъекту [24, с. 118-123].

Часто проблемы возникают при отграничении бандитизма от разбоя и вымогательства, поскольку последние имеют достаточно широкое распространение.

Действительно, наибольшие трудности на практике вызывают случаи отграничения от бандитизма насильственно-корыстных посягательств и, прежде всего, разбоя, совершенного организованной группой с применением оружия. Проблема заключается в том, что и организованная группа при разбое, и банда отличаются признаком устойчивости, а также и разбой, и бандитизм – преступления, связанные с нападением как внезапным для потерпевшего агрессивным, насильственным воздействием. При совпадении указанных квалифицирующих признаков при совершении разбоя неизбежно в следственной и судебной практике возникают существенные проблемы.

В литературе обращается внимание на вопроса «о соотношении бандитизма и вооруженного разбоя, совершенного организованной группой. Предпринимаемые попытки найти отличие данных составов преступлений представляются малопродуктивными» [36, с. 239], однако в некоторых случаях отграничение можно провести по следующим признакам:

- бандитизм требует наличия у членов банды оружия в узком смысле, т. е. предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а при разбое признак вооруженности могут образовывать предметы, используемые в качестве оружия, т. е. предметы хозяйственно-бытового или иного назначения. Кроме того, при разбое может быть использована имитация оружия. Состав разбоя может образовать нападение с применением негодного оружия, тогда как состав бандитизма не может образовать нападение с непригодным для применения оружием [44, с. 43];

- бандитизм требует наличия у членов банды оружия, а при разбое необходимо фактическое применение оружия, а не только его наличие;

- бандитизм признается оконченным с момента создания банды, тогда как разбой окончен с момента начала нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [16, с. 3];

- бандитизм по сравнению с групповым разбоем обычно характеризуется более высоким уровнем организованности и направленностью не только на преступления против собственности, но и совершение иных преступлений, связанных с нападениями (например, убийств);

- бандитизм от вооруженного разбоя может отличаться и по мотивам, а также более широким диапазоном целей. Мотив разбоя – всегда только корысть. При бандитизме возможны и другие низменные побуждения: например, месть [10, с. 21].

Однако и по указанным признакам не всегда представляется возможным разграничить бандитизм и разбой, совершенный организованной группой с применением оружия.

При совершении бандитизма, в соответствии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 всегда ставится вопрос о дополнительной квалификации преступлений, совершенных бандой, по совокупности с разбоем. Предлагается для избежания дальнейших дискуссий по данному вопросу и, кроме того, соблюдения принципа справедливости, при совершении разбоя организованной группой с применением оружия группой, которая признана бандой, квалифицировать содеянное как бандитизм и разбой с применением оружия (т. к. бандитизм не предусматривает обязательного применения оружия). При этом исключить ссылку на организованную группу как квалифицирующий признак разбоя. По этому вопросу необходимо внести соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Предлагаемый подход позволит разрешить споры по данному вопросу и облегчит квалификацию указанных преступлений в следственной и судебной практике.

Разграничение бандитизма и вымогательства можно провести по следующим признакам:

Отграничение бандитизма о вымогательства в первую очередь должно проводиться по моменту реализации угрозы и моменту передачи требуемого имущества или совершения действия имущественного характера. При этом уместно отметить, что совокупность таких преступлений как бандитизм и вымогательство не исключается.

Выводы по второй главе выпускной квалификационной работе:

Во-первых, необходимость квалификации деяния, предусмотренного ст. 209 УК РФ, по совокупности с преступлениями, совершаемыми бандой, определяется сложным по своей структуре объектом бандитизма, которым выступает общественная безопасность, включающая в себя ряд самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны, таких как жизнь и

здоровье человека, другие ценности и интересы личности, государственную и личную собственность, общественный порядок.

Во-вторых, при разграничении незаконного вооруженного формирования, банды и разбоя необходимо руководствоваться не только количественными, но и качественными характеристиками. Однако нелишним было бы принятие соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ, что облегчило бы квалификационные задачи в рамках состава незаконного вооруженного формирования.

В-третьих, наибольшие трудности на практике вызывают случаи отграничения от бандитизма насильственно-корыстных посягательств и, прежде всего, разбоя, совершенного организованной группой с применением оружия. Для избежания дальнейших дискуссий по данному вопросу и, кроме того, соблюдения принципа справедливости, при совершении разбоя организованной группой с применением оружия группой, которая признана бандой, квалифицировать содеянное как бандитизм и разбой с применением оружия (т. к. бандитизм не предусматривает обязательного применения оружия). При этом исключить ссылку на организованную группу как квалифицирующий признак разбоя. По этому вопросу необходимо внести соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Заключение

Проведенное исследование, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в УК РФ законодатель использует термин «банда», определяя ее как устойчивую вооруженную группу, созданную в целях нападения на граждан или организации.

В работе было обращено внимание на то, что признак организованности банды приведен только в Постановлении № 1, тогда как в понятии банды в ч. 1 ст. 209 УК РФ данный признак отсутствует. В связи с чем, признак организованности банды оставляет возможность неоднозначного толкования его обязательности.

Учитывая рассмотренные положения и иные авторские точки зрения, был сделан вывод, что признак организованности банды предполагает: наличие ярко выраженного одного лидера или нескольких руководителей на паритетных началах; ролевую дифференциацию участников в организационно–техническом и правовом смысле; целенаправленный характер действий лиц и осуществление планирования преступлений.

Некоторые авторы предлагают исключить признак устойчивости из уголовно-правовой характеристики организованной группы в целом, как несоответствующий ей, поскольку присутствует стремление к совершению лишь одного, требующего серьезной подготовки преступления, а иначе будет происходить смешение с иными смежными формами соучастия. Явное несогласование с законом, отрицание его требований в приведенной позиции наталкивает на невозможность принятия критериев, выдвинутых ученым, до внесения изменений в УК РФ, поскольку они не обладают серьезными правовыми основаниями.

На основании вышеуказанной проблематики, в признак устойчивости банды можно включить: стабильность личного состава организованной группы; неоднократность различных поведенческих актов субъектов во время

подготовки, планирования и совершения преступлений; наличие у участников субъективной направленности на долговременное взаимодействие.

Отсутствие четких критериев, разные подходы к понятию и признакам банды как вида организованной группы закрепляют разночтения и несогласованность в правоприменительной деятельности, что является недопустимым. Это обстоятельство, в свою очередь, нарушает принцип равенства граждан перед законом и снижает эффективность уголовного законодательства.

Поэтому необходимо привести различные точки зрения к чему-то единому и формально определенному: это может быть либо детализация признаков в самом УК РФ, либо в постановлении Пленума Верховного Суда РФ по вопросам соучастия, т.к. этот орган имеет право официально и нормативно толковать закон. Иными словами, признаки организованной группы, а также её разновидностей подлежат однообразному раскрытию, конкретизации и возможному закреплению в соответствующих актах, что будет способствовать снятию существующих в практике разногласий в применении уголовного закона.

Во-вторых, бандитизм относится к числу многообъектных преступлений, в связи с чем в рамках данного состава необходимо выделять не только основной, но и обязательный дополнительный объект.

Непосредственным объектом бандитизма выступают конкретные общественные отношения или группы взаимосвязанных отношений этой системы – безопасные условия жизнедеятельности граждан, нормальная деятельность предприятий, учреждений и организаций, общественное спокойствие и т. д.

Бандитизм имеет четыре формы: 1) создание банды; 2) руководство бандой; 3) участие в банде; 4) участие в совершаемых бандой нападениях.

Такая форма бандитизма как «участие в бандитском нападении» подлежит декриминализации, она не только не соответствует концепции уголовного законодательства, но и позволяет привлекать к уголовной ответственности лицо

дважды за одно и то же деяние, а соответственно она противоречит Конституции РФ (ч. 1 ст. 50). Исходя из принципа прямого действия основного закона, в настоящее время суды обязаны не применять статью 209 УК РФ в части противоречащей Конституции РФ.

В-третьих, цель (нападение на граждан и организации) является обязательным признаком субъективной стороны состава бандитизма. Создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации осуществляется только с прямым умыслом. Доказывание специальной цели создания банды имеет важное значение, т.к. по содержанию этой цели возможно разграничение бандитизма с другими преступлениями.

Факультативным признаком состава ст. 209 УК РФ является мотив. Основой объединения членов банды может являться корыстное стремление каждого из них извлечь в результате совместной преступной деятельности крупную наживу (материальные блага). Большинство преступлений в составе банды совершается с корыстным и корыстно-насильственным мотивами.

В-четвертых, в правоприменительной практике зачастую возникают трудности в отграничении бандитизма от иных, смежных составов преступлений.

При разграничении незаконного вооруженного формирования, банды и разбоя необходимо руководствоваться не только количественными, но и качественными характеристиками. Однако нелишним было бы принятие соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ, что облегчило бы квалификационные задачи в рамках состава незаконного вооруженного формирования.

Наибольшие трудности на практике вызывают случаи отграничения от бандитизма насильственно-корыстных посягательств и, прежде всего, разбоя, совершенного организованной группой с применением оружия. Проблема заключается в том, что и организованная группа при разбое, и банда отличаются признаком устойчивости, а также и разбой, и бандитизм – преступления,

связанные с нападением как внезапным для потерпевшего агрессивным, насильственным воздействием.

Для избежания дальнейших дискуссий по данному вопросу и, кроме того, соблюдения принципа справедливости, при совершении разбоя организованной группой с применением оружия группой, которая признана бандой, квалифицировать содеянное как бандитизм и разбой с применением оружия (т.к. бандитизм не предусматривает обязательного применения оружия). При этом исключить ссылку на организованную группу как квалифицирующий признак разбоя. По этому вопросу необходимо внести соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, проведенный анализ доктрины и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ или принятие нового в целях единообразного толкования и правильной квалификации состава бандитизма.

Список используемых источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 г. № Пр-2685) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).
6. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).
7. Декрет ВЦИК от 20.06.1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).
8. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 г. № 3 «О суде» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).
9. Агапов П. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2013.
10. Андреева А., Овчинникова Г. Квалификация бандитизма // Законность. 1996. № 4. С. 16-23.

- 11.Артеева Н.Е. Теоретические и практические проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 209-210 УК РФ // В сборнике: Научный взгляд: юридические науки. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. 2017. С. 17-20.
- 12.Боровиков В.Б., Боровикова В.В. Борьба с преступлениями террористического характера: уголовно-правовые аспекты // Российское правосудие. 2006. № 3. С. 27-29.
- 13.Бычков В.В. Проблемы квалификации бандитизма по признаку вооруженности // Адвокатская практика. 2007. № 1. С. 13-18.
- 14.Вайле С.П. Квалифицирующие признаки банды: устойчивость или организованность // Общество и право. 2008. № 1. С. 140-146.
- 15.Воронов А.М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления. М., 2004. 240 с.
- 16.Галиакбаров Р. Разграничение разбоя и бандитизма. Ошибка в теории ломает судебную практику // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 3-7.
- 17.Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. 177 с.
- 18.Глазкова Л.В. Бандитизм и преступное сообщество: вопросы разграничения: монография. Юрлитинформ, 2013. 340 с.
- 19.Гамзиков А.Г. Состав и признаки бандитизма // Российский следователь. 2009. № 14. С. 13-18.
- 20.Дукарт В.П. Признаки устойчивости и организованности банды в уголовном праве России // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. 2014. С. 23-26
- 21.Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1976. 410 с.
- 22.Иванчин А.В. О целесообразности исключения из УК РФ ст. 209, 210 и 282.1// Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с

- организованной преступностью: Итоговые материалы Всероссийского научно-практического семинара (20 - 21 января 2004 г.) / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. Яросл. гос. ун-т; Ярославль, 2004. С. 26-29.
23. Ильичев И.Е., Богмацера Э.В. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 14-20.
24. Карягина А.В. Модернизация российского антитеррористического законодательства на современном этапе // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2016. С. 118-123.
25. Карягина О.В., Андреева О.А. Некоторые вопросы отграничения состава террористического акта от сходных составов преступлений // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2017. № 2 (26). С. 53-56.
26. Качалов В.В. Особенности квалификации действий организатора или руководителя организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) // Правовые и социальные исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 4. Тула, 2010. С. 44-47.
27. Климанов А.М., Розовская Т.И. Некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2014. Т. 1. № 1. С. 101-107.
28. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 370 с.
29. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Инфра-М, Контракт, 2009. 622 с.
30. Коротких А.Г. О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 37-42.
31. Краснова К.А., Сибагатуллина Э.Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении

- общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3. С. 6-9.
32. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. 144 с.
33. Кудряшов А.В. Различия понятий «шайка» и «банда» в Российском уголовном законодательстве // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 190-194.
34. Максимов П.В. Понятие бандитизма как общественно опасного деяния в правовой ретроспективе российского государства // В сборнике: Актуальные вопросы антикризисной политики: теория, история, современность Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.В. Турицын. 2016. С. 137-140.
35. Мальцев В.В. Бандитизм: особо опасное социальное явление или юридическая фикция? // Законность. 2012. № 10. С. 39-44.
36. Маслакова Е.А. Проблемы квалификации бандитизма в судебной и следственной практике // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 237-244.
37. Муркштис М.И. Ответственность за бандитизм: Автореферат канд. юрид. наук. М., 2007. 33 с.
38. Мусаелян М.Ф. Террористический акт и бандитизм: квалификация и отграничение // Военно-юридический журнал. 2010. № 8. С. 16-19.
39. Наумов А. Квалификация незаконного оборота гладкоствольного охотничьего оружия // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 45-49.
40. Островских Ж.В. К вопросу о законодательной регламентации уголовной ответственности за бандитизм // В книге: Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран материалы V Международной научно-практической конференции / Отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. 2016. С. 114.

41. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права в 6 т. Часть Общая. Том 2. Преступление. М.: Издательство «Наука», 1970. 477 с.
42. Познышев С.В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / Сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2007. 290 с.
43. Покаместов А.В. Ответственность за организацию преступной деятельности / Под науч. ред. В.П. Ревина. М., 2002. 260 с.
44. Попова О. Квалификация бандитизма // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 42-46.
45. Парог А.И., Нагаева Т.И. Нападение как вид преступного деяния // Lex Russica (Научные труды МГЮА), 2012, № 2. С. 345-358.
46. Ролик А.И. Преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ: спорные вопросы характеристики // Lex russica. 2014. № 9. С. 1079-1084.
47. Сайгитов У.Т. Основные формы организованной преступности в Республике Дагестан (на рубеже XX – XXI вв.) / Под ред. А.А. Магомедова. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 125-128.
48. Сальников А.В. Объект бандитизма // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика Материалы II Международной научно-практической конференции. 2014. С. 63-68.
49. Сальников А.В. Исторический генезис понятий «шайка» и «банда» как разновидностей соучастия особого рода в отечественном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 98-102.
50. Степанов А.В. Общественная безопасность: теоретико-правовой анализ // Вестник Прикамского социального института. Серия Правоведение. 2015. № 1 (69). С. 29-37.
51. Толпегин В.Л. Бандитизм. проблемы квалификации и правоприменительной практики // Ученые записки Казанского филиала

- «Российского государственного университета правосудия». 2016. Т. 12. С. 250-253.
52. Тюнин В.И. К вопросу о редакции нормы о совокупности преступлений // Российский следователь. 2008. № 2. С. 14-16.
53. Уголовное право России. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении. Учебник / Под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало, 2002. 677 с.
54. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 877 с.
55. Хилюта В.В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. 2012. № 3. С. 42 – 43.
56. Шеслер А. В., Смирнов И. О. К вопросу об уголовно-правовых признаках незаконного вооруженного формирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 45–48
57. Шутемова Т. Особенности доказывания создания банды // Законность. 1999. № 9. С.15-19.
58. Шутемова Т.В. Особенности доказывания цели создания банды // В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. 2017. С. 285-289.
59. Шутемова Т.В. О некоторых проблемах уголовно-правовой характеристики бандитизма // Следователь. 1999. № 6. С. 11 – 12.
60. Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 г. № 601-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 240 и статьей 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным

- делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.
63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // БВС РФ. 2002. № 5.
64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // БВС РФ. 1997. № 3.
67. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.04.2007 г. № 795-П06 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
68. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.02.2013 г. № 9-О13-1 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
69. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.09.2012 г. № 81-О12-54 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
70. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.08.2012 г. № 45-О12-46 «Статья 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не охватывает одновременно ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих

самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями статьи 17 УК РФ» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

- 71.Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 46-О12-56 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 72.Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.09.2010 г. № 9-О10-43 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 73.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.01.2018 г. № 50-АПУ17-18 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 74.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 07.06.2017 г. № 10-АПУ17-4 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 75.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.01.2017 г. № 48-АПУ16-46 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 76.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2017 г. № 205-АПУ17-16 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 77.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.01.2016 г. № 11-АПУ15-32 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 78.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 56-АПУ16-15 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 79.Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2009 г. № 11-О09-60 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 80.Определение Верховного Суда РФ от 05.06.2008 г. № 23-008-15 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 81.Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2004 г. № 46-004-25 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 82.Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан по делу № 22–1318/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 04.05.2018 г.).

83. Приговор Верховного Суда Республики Крым от 25.09.2015 г. № 1-14/2015 по уголовному делу № 1-14/2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 04.05.2018 г.).
84. Приговор Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 10.10.2012 г. № 2-26/2012 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
85. Приговор Приморского краевого суда от 18.03.2016 г. № 2-4/2016 2-64/2015 по делу уголовному делу № 2-4/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 04.05.2018 г.).
86. Приговор Алтайского краевого суда от 23.09.2014 г. по делу № 2-30/2014 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
87. Приговор Самарского областного суда от 23.01.2017 г. по уголовному делу № 2-5/2017 (2-32/2016;) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.05.2018 г.).
88. Приговор Самарского областного суда от 15.11.2016 г. по уголовному делу № 2-24/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.05.2018 г.).
89. Приговор Самарского областного суда от 30.05.2016 г. по уголовному делу № 2-8/2016 (2-34/2015;) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.05.2018 г.).
90. Приговор Самарского областного суда от 18.07.2014 г. по уголовному делу № 2-19/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.05.2018 г.).
91. Приговор Пензенского областного суда от 04.07.2014 г. по делу № 2-2/2014 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
92. Приговор Смоленского областного суда от 15.05.2013 г. № 2-13/2013 2-85/2012 по уголовному делу № 2-13/2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 04.05.2018 г.).

93. Приговор Самарского областного суда от 01.08.2012 г. по уголовному делу № 2-2/2012 (2-61/2011;) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.05.2018 г.).
94. Приговор Самарского областного суда от 28.09.2012 г. по уголовному делу № 2-51/2012 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.05.2018 г.).
95. Приговор Самарского областного суда от 07.12.2011 г. по уголовному делу № 2-42/2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oblsud.sam.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.05.2018 г.).
96. Приговор Московского городского суда от 21.05.2015 г. по делу № 2-***/2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
97. Приговор Московского городского суда от 24.08.2017 г. по делу № 2-48/2017 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.